КРОКОДИЛ

— Всевышний я, ну и что? А запасных частей у меня все равно нет!

Рисунок Ю. ГАНФА

А. МОРАЛЕВИЧ

ДОЛАМПОЧКИЗМ

В жизни имеют место идиоматические выражения. Со всех сторон летят звуки: «На-кось выкуси!», «Закрой варежку, дядя!», «Железно обещано?», «Алла — четкая баба».

Вдруг невероятно модным становится какое-то слово, иногда — выражение. Минувшим летом в Баку, например, было жужжание фразы:

— А мне это надо?

Но вот попользовались словом «железно» — схлынула мода. Алла перестала быть «четкой». Деликатное «А мне это надо?» сменилось лобовым «Да пошел ты!».

Лишь одно выражение присохло к подметкам общества, идущего вперед, мы тащим его за собой, и имя ему —

ДО ЛАМПОЧКИ.

Есть стоеросовые проблемы: хулиганство, пьянство, воровство, моральные некрасоты.

Проблемы стоят стеной. Железно.

Но вот, как бескрайний туман, наползает проблема, громадная до того, что отодвигаются в сторону хулиганство, пьянство, моральные некрасоты. Проблема называется —

ДО ЛАМПОЧКИ.

Да, о твердыни хамства, пьянства и хулиганства можно набить себе синяки. Однако недаром на море тумана боятся больше, чем скал. Туманная безвредность граждан и организаций, культивирующих тезис «до лампочки», едва ли не опасней всех пьяниц и мордоворотов с велосипедной цепью в немытой руке.

Опасней нравственно, экономически, социально и пр.

Под Ленинабадом гонит продукцию Пролетарский метизный завод. Там трудятся знатные мастера сочувствия со слезами на глазах — в одном глазу озеро Эльтон, в другом озеро Баскунчак. Выпускают крепеж для шахт. Они сочувствуют потребителю: они знают, что на хомутах резьба не годится, что на гайках грани все разные, что хомуты в планки не входят и, главное, на всем — жуткой остроты заусенцы. Знают, но им это все «до лампочки».

А в недрах земли таш-кумырский проходчик Виктор Косаев первым делом калечит руки о заусенцы. На помощь Косаеву бросается друг и кувалдой пытается навесить крепеж, но даже под кувалдой крепеж не садится, и тяжкая снасть норовит отскочить и ударить по самому чувствительному месту.

А метизный Доламмпочкин знай шлепает продукцию, и ситуация возникает бесформенная, как эхо в тумане. Доламмпочкин позевывает, выслушивая гневные нарекания горняков, он инертней газов аргона и криптона, и, по сути дела, мельтешит он обочь общей трудовой орбиты, вырождаясь в морального хуторянина.

На исходе двадцатых годов у нас имелась «Ассоциация художников-лучистов и будущников». В манифесте лучистов-будущников была программная фраза:

«МЫ НЕ ТРЕБУЕМ ВНИМАНИЯ ОБЩЕСТВА, НО ПРОСИМ И ОТ НАС НЕ ТРЕБОВАТЬ ЕГО!»

Ассоциация лопнула, но до чего живучим оказался лозунг!

Скажем, на пути в Омский аэропорт возникает рытвинка. Тут бы взять кастрюлю асфальта величиной с гнездо птички, заровнять непорядок. Но «мы не требуем внимания общества — и вы от нас не требуйте»...

А колеса машин уже разносили рытвинку в яму, и так бросает на яме авто, что кадык пассажира чуть не ударяется о свод его черепа. Но все равно — никакого ремонта.

Только сигнал нешуточной тревоги прошибает такое «до лампочки». На яме надо разбиться такси, полному пассажиров, и тогда яму заделают.

Пришли на лесной кордон три профессиональных охотника, полмесяца промышляли зверя и из вечера в вечер, побудительно глядя один на другого, судачили:

— Слышь, ага, возьми себе на заметочку: авторитетно мы тут сгорим, вон как сажа наросла в дымоходе!

— Однако, сгорим. Ее бы проковырять, сажу эту.

— Сгорим, вон и в собакином вое жуть явственная.

Но никто из них проковырять не полез, обнаружив полную неактивность, хотя дело касалось даже не гос., а своих же собственных интересов. Всем было до лампочки. Так вот, надо было сгореть этому лесному кордону со всеми припасами, добычей и одним человеком, а уцелевшим надо было обморозиться и едва не пропасть, чтобы решить вопрос с сажей. В смысле постройки нового кордона с исправным дымоходом.

И до лампочки определенному слесарю определенный заказчик, который получает потом соединенные слесарем фланцы. Вообще фланцы надо пришабрить и точно сболтить, чтобы была герметичность. Однако такие понятия, как добросовестность и чувство ответственности, чужды определенному слесарю.

Таких бы людей выталкивать из общей шеренги, но они соседствуют с истинным тружеником, как соседствует в энциклопедии художник Малявин и «малярийный комар». И проповедуется даже терпимость: ну зачем вы, товарищ, сильно придаете значение? Не надо относиться к ним слишком бдительно. Ну рассматривайте их как пятое время года: зима, весна, лето, осень, они... Не так уж все страшно.

Согласимся. Вспышки доламмпочкизма иногда оправданы. Вот человек влюблен, ничего не видит вокруг и ни в чем не участвует. Вот актер с невидящим взором бредет сквозь город, погоня за хулиганом пересекла его путь — а он не помог, не вмешался, идет с читки пьесы, вживается в образ. Вот пожарные выносят ученого из окна горящего дома, и он на руках у крючника и топорника еще логарифмирует с линейкой возле очков: у человека идея, он от всего отключился.

Да, вспышки — это мы понимаем.

Но речь идет о системе, о системе взглядов «до лампочки» в большом и малом.

Допустим, фотограф Козадаев был сильно не прав. Он снимал фотолетопись об автозаводе имени Ленинского комсомола, а тут как раз такелажники ставили на фундамент стальную высокую мачту. Лебедки едва придали ей вертикальное положение, стальные расчалки под нагрузкой звенели, а фотограф вдруг оттолкнул одного рабочего и бросился к мачте.

— Куда?! — закричал прораб, покрываясь испариной.

Но фотограф был уже вполвысоты, а через пять минут — на громоотводе, и поймал неповторимый колер заходящего солнца, и неповторимое облако возле, и в тонах всего этого — панораму завода.

Конечно, не виси у фотографа со всех сторон хрупкие фотокамеры, после спуска ему бы накостыляли. Но когда попытались спросить с рабочего — не которого оттолкнул фотограф, а который стоял ближе всех к мачте и спокойно мог перехватить человека,— этот мужчина сказал, что для чего ему было кого-то хватать, и вообще он сдельщик без прогрессивной оплаты, и пельмени после шести не купить в магазине, и фотограф, жив он или не жив, персонально с ним деньгой не поделится. Так что чужое дело не наше дело. Оно нам до лампочки. В целях здоровья.

Приехала одна профсоюзная делегация, приглашенная в гости другой профсоюзной организацией. Все хорошо. Делегатов катали в горы, добыли и торжественно съели с гостями филе редкостных диких животных, вывешивали поперек дорог «Добро пожаловать!» и показывали перечни своих добрых дел.

Затем истек срок пребывания. В лимузинах гостей примчали в аэропорт, жали руки, троекратно чеjломкали, приглашали еще, подсадили на трап.

А погода дала отбой.

Делегаты сутки спали на лавочках. Потом явились к хозяевам: прогноз, мол, плохой, многосуточный, нельзя ли отправить нас поездом? Либо автобусом.

— А вы кто такие?

— Вы нас приглашали гостить. А вот вы еще меня вином «Псоу» облили на брудершафт.

— Значит, «Псоу»? «Псоу» химчистка берет. Да-с. И никаких гостиниц, поездов и автобусов. Мы уже проводили вас, согласно проездным документам мы вас не знаем.

— Но как же нам быть? Мы не можем спать в кустах на одной ноге, мы не орнитофауна!

— Ничего не знаю, прошу не толпиться. И давайте отсюда, адью!

Вы желаете срочно связаться с Ташкентом, а вам через три часа лениво включают Таймыр.

Районная докторша приходит к больному по вызову.

— Ну, чего там у вас! — И, не переступая порога, не вымыв перстов, пользуясь концом зонтика вместо ложечки, говорит: — Ну-ка: а-аа!

Ей некогда: она спешит к свекрови на блины.

Где выход? Есть ли надежды на быструю самоперековку морального хуторянина?

В Москве, на улице Пушкинской, идет опера Жоржа Бизе, где в финале Хозе произносит:

— Арестуйте меня!

Нет, такой добровольности нам от Доламмпочкина не дождаться.

— Батюшки! А мы его столько времени искали!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

А. ПОРТЕР

Рассказ

Не так давно еду в метро и вижу: стоит в другом конце вагона мой знакомый Ермилкин с ведром в руках. Подхожу к нему.

— Привет! Ты что это с ведром едешь?

— Да вот, понимаешь, решил теперь вместо портфеля...

— Это как же?

— Да вот так. Очень даже удобно, вместительно и, я бы сказал, красиво. Форма как будто и простая, а смотрится неплохо. К тому же блестит.

— Это ты серьезно говоришь или шутишь?

— Что шутить-то?.. У нас весь главк теперь с ведрами ходит. Очень привилось.

— М-да... Я, конечно, не знаю, но как-то это чересчур, я бы сказал, оригинально.

— Зато удобно! Ты сам попробуй. Уверен, что понравится. Только покупай вот такое, оцинкованное. Дешево и сердито.

Тут как раз остановка. Ермилкин жмет мне руку и выскакивает с ведром на платформу. Тут я и призадумался.

«Что-то здесь не так. Ермилкин шутить не станет. Не умеет. Говорит, весь главк ходит. А там не дураки работают. Им видней. Может, так и надо... Может, такое течение. Ермилкин зря с ведром ходить не станет».

Короче говоря, решил я, что в таких случаях шляпой быть нельзя, и в тот же день побежал в хозяйственный магазин. Купил точь-в-точь такое же, как у Ермилкина, оцинкованное. Иду я с этим ведром домой и не могу понять: что же тут удобного? По ногам бьет, гремит — сплошное наказание. Но несу.

На следующий день прихожу на работу. В ведре у меня бумаги, газеты, всякая документация. Все сотрудники, конечно, глаза на меня пялят, ничего понять не могут.

— Что это вы, Семен Гаврилович, с ведром пришли? Спутали, что ли?

— Да нет,— отвечаю я скромно,— это я вместо портфеля. Очень удобно и вместительно. И даже, можно сказать, красиво. В главке уже все так ходят.

Сотрудники эдак молча на меня посмотрели и разошлись за свои столы. Чувствую, задумались.

В общем, приходят на следующий день все мои сослуживцы с ведрами. И даже начальник наш Кузьмищев тоже с этой железякой приперся. Все друг перед другом своими ведрами хвалятся и меня благодарят, что вовремя их надоумил такую прекрасную вещь приобрести. И на чем свет стоит ругают портфели. Как, мол, это мы раньше могли с такой дрянью таскаться...

Вскоре соседние с нами учреждения приобщились к новому течению.

А позавчера еду в метро, вижу: стоит Ермилкин. Без ведра. С портфелем! Я к нему:

— Что это ты, Ермилкин, с портфелем?

— А почему бы и нет?

— То есть как? А ведро-то твое где?

— Ведро? С ведром, старик, покончено. Ошибочность это была.

— Как так «ошибочность»? Ты же сам говорил: удобно. Говорил: весь главк ходит.

— Что ж тут удобного? По ногам бьет, гремит. Да ты сам-то признайся, что не знал, куда от него деваться.

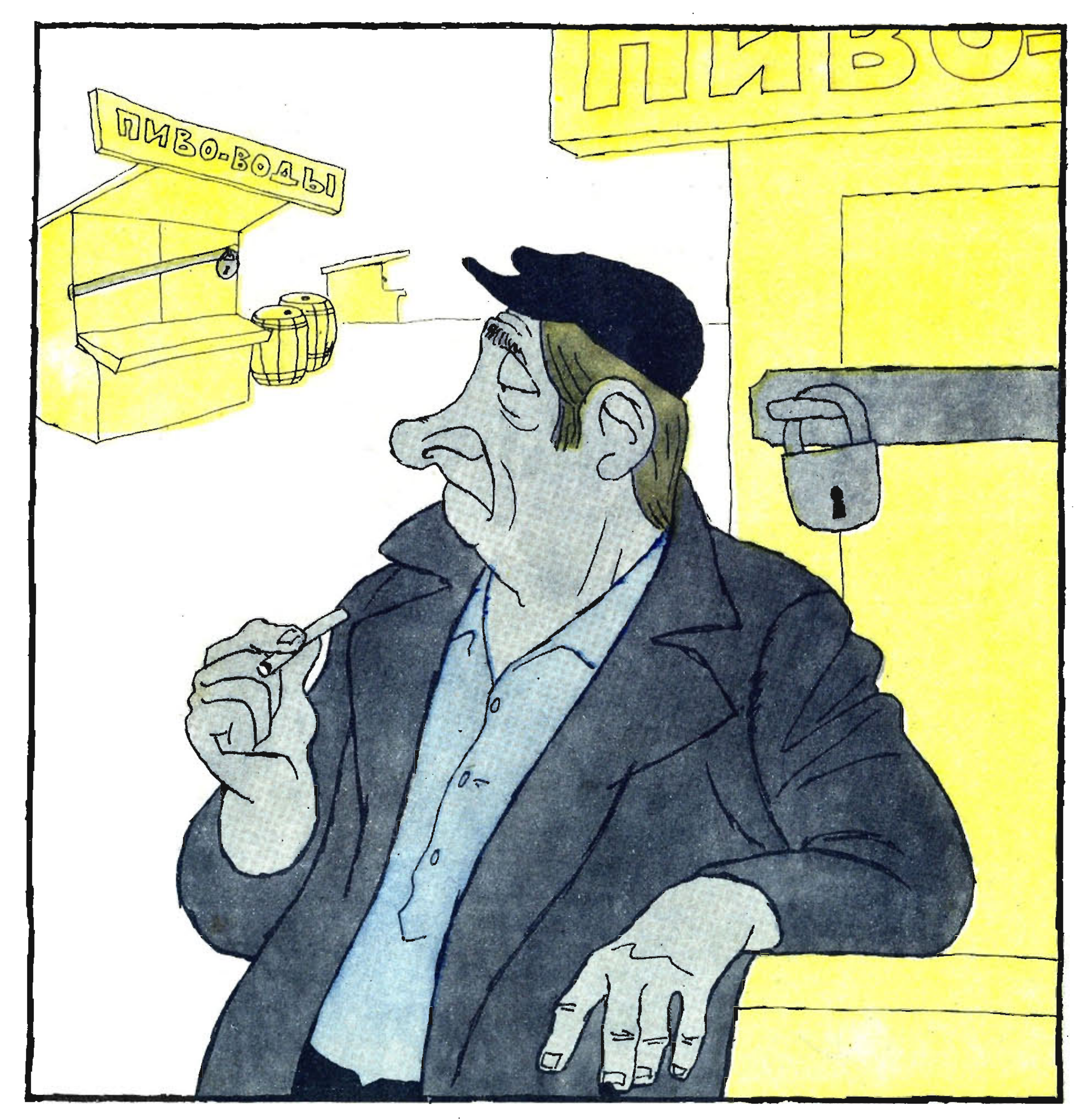
— Ну не знал. Я могу и не знать, но ты же сам говорил, что весь главк ходит.

— Тут, старик, такая история вышла. Пришел наш начальник главка с этим ведром оцинкованным... Ну мы и решили... А потом оказалось, что это он себе на дачу купил. Так что ты ведро это дурацкое бросай. Носи снова портфель. Вот как я.

Как раз остановка. Ермилкин выскакивает с портфелем на платформу. А я стою со своим ведром и думаю: что-то здесь не так. Ермилкин зря с портфелем ходить не станет. Говорит: вон весь главк ходит. А там не дураки работают. Им видней.

Короче, побежал я в этот же день в магазин и купил себе точно такой же портфель, как у Ермилкина, черный.

Вообще-то удобно. Но черт его знает...

— Кругом закрыто. Прямо хоть на работу иди!

Рисунок Е. ГУРОВА

В Монреале фюрер американских сионистов получил два пинка под заднее место и был выдворен за пределы страны. Бдительность канадской полиции не обманули ни бутафорские усы, ни глухие темные очки.

«Вместо того, чтобы кричать «Зиг хайль!», они выставили меня за дверь»,— с обидой подумал фюрер и стал готовиться к выходу из самолета в Нью-Йорке. Заперешись в туалете, он отклеил усы, снял очки, надел ермолку, обвязал рукав бело-голубой лентой со звездой Давида и вновь стал ортодоксальным раввином Меиром Кахане.

— Вожак прибыл, вожак! — заорали в нью-йоркском аэропорту молодчики из его «лиги» и, выстроившись по обе стороны трапа, выкинули в приветствии руки. Первым схватил рабби-фюрера в объятия вице-президент «лиги» Бертрам Цвейбон по прозвищу «Верзила».

— Шеф, в Бруклине судят нашего мальчика, того самого, что стрелял по зданию советского представительства при ООН,— взволнованно доложил Верзила.

— В суд, в суд! — приказал президент «лиги».— Я сам буду защищать нашего Айзака!

Сионистская мафия, оседлав мотоциклы, помчалась в город, оглашая улицы неистовыми сигналами и треском.

— Господа и дамы! — закричал Кахане, обращаясь к публике в судебном зале.— Перед этим судом стоит невинная жертва, наш дорогой Айзак Яросавич. Сказать, что он просто достоин помилования, значит ничего не сказать. Медали, а не приговора заслуживает юный Яросавич. Ибо он герой. Из своей оптической винтовки он стрелял по мировому коммунизму. Его портреты печатает вся наша свободная американская пресса. Мы дарим ему признательность. Я кончил, дамы и господа!

— Подсудимый стрелял в детей советских сотрудников,— сказал прокурор Роберт Морзе.— Именем закона я требую предать его уголовному суду и взыскать залог — сто тысяч долларов.

— Или ты отпустишь нашего мальчика, или мы оторвем тебе голову, предатель! — зловеще произнес главарь «лиги».

— Оторвем, оторвем! — загорланили штурмовики.

— Я присуждаю обвиняемого к внесению залога в сумме 25 тысяч долларов и назначаю дело к слушанию в ноябре,— примирительно сказал судья Винсент Катоггио, с опаской поглядывая на рассвирепевшую сионистскую камарилью.

Без особого напряжения фантазии мы можем довольно точно представить себе восторженный прием, оказанный Кахане его единомышленниками.

...У здания суда собралась толпа. И как только президент «лиги» появился в дверях, какая-то поношенная дама в шляпке с пером вырвалась вперед и повисла на шее раввина.

— Вы наш, вы наш! — восторженно закричала она.— Вы настоящий батько, вы атаман, Меир!

— Кто эта психопатка? — испуганно отпрянул Кахане, защищаясь от поцелуев.

— Эту леди зовут Слава Стецько,— пояснил вице-президент «лиги» Цвейбон.— Она супруга бывшего «премьера» оккупированной Гитлером Украины Стецько. Сейчас этот джентльмен возглавляет «Антибольшевистский блок народов» — АБН. Он прямой наследник Симона Петлюры и Бандеры.

— Так они же черносотенцы и антисемиты! А мы «лига защиты евреев»,— растерялся рабби.

— Они антикоммунисты, наши соратники по работе и по ЦРУ. Целуйте даме ручку, шеф.

В этот момент к группе воинствующих сионистов приблизился маленький узкоглазый человечек и, положив руки на грудь, склонился в поклоне.

— Обнимите его, шеф,— посоветовал Цвейбон.— Это Тосно Накато, фюрер «Антикоммунистической лиги за свободу Азии», бывший сотрудник японской тайной полиции. Проживает в США и на Тайване, представляет чанкайшистов, сайгонцев, сеульцев. Тоже наш человек. Это его лига всадила самурайский нож в лидера японских социалистов Асануму.

Кахане прижал к себе Накато и чмокнул его в губы.

— А это еще кто? — спросил рабби, поглядывая на свирепого усача, идущего ему навстречу с плакатом «Слава борцам с коммунизмом!».

— Предводитель эмигрантов-усташей Стефан Хефер. Раньше работал на абвер и Гелена. Сейчас служит «Европейскому совету за освобождение» в Лондоне. Протяните коллеге руку.

Церемония взаимных приветствий затянулась. Один за другим подходили к рабби представители неонацистов, бэрчистов, куклуксклановцев. За ними — посланцы эмигрантских черносотенных центров НТС и даже разноплеменных гитлеровцев из бывшего батальона «Нахтигаль» — полный набор старых агентов гестапо, переметнувшихся к американской и британской разведкам.

Вечером Кахане отвечал на вопросы корреспондентов.

— Известно ли вам, что все честные евреи в мире осуждают ваши бандитские выходки? — спросил один из корреспондентов.

— Это красные евреи,— угрюмо ответил Кахане.

— Не боитесь ли вы, рабби, что правительство США может принять к вам строгие меры, чтобы не ухудшать отношений с Советским Союзом?

— Не беспокойтесь! — хвастливо выкрикнул новоиспеченный фюрер.— Девять раз меня задерживали и девять раз отпускали. Сегодня, кажется, я был задержан в десятый раз. Это стоило нам сто долларов...

— С какой целью вы пытались посетить Канаду?

— Я хотел проверить, как там выполняется моя директива всячески досаждать советским представителям, проводить манифестации и марши, бить окна, создавать напряженность.

— Расскажите подробнее, как вас оттуда выставили,— попросил корреспондент.

Президент «лиги» сделал вид, что не расслышал реплику...

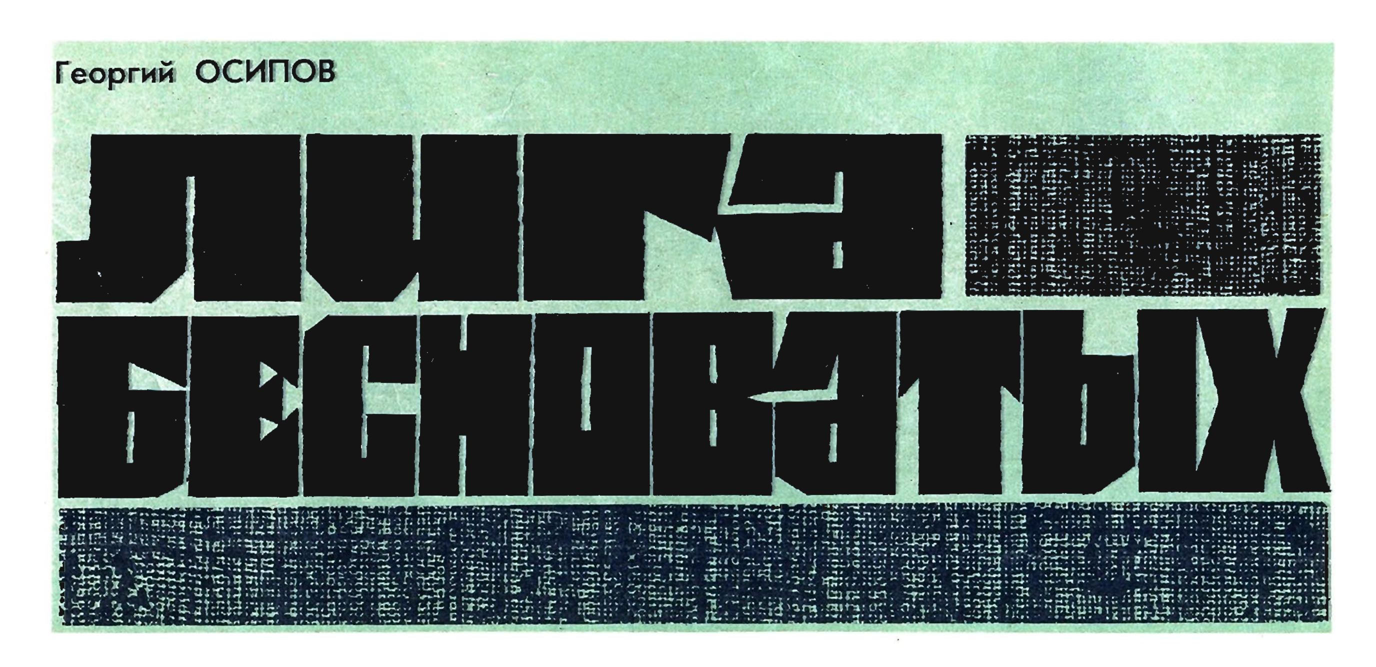
А реплики сыплются одна за другой. Американский журнал «Политикл афферс» отмечает, что эта «лига является порождением антисоветизма и расизма», что она действует как «прямое орудие ЦРУ» и служит марионеткой в руках самых реакционных сил. В контакте с ней находятся милитаристы США, «ястребы» Тель-Авива, западногерманские неофашисты, разноплеменный сброд из антисоветских и антикоммунистических центров в США, Европе и Латинской Америке.

Недавно человек с двойным дном (служитель культа и фюрер фашиствующих сионистов) принял и двойное гражданство (США и Израиля) и открыл в Тель-Авиве новую штаб-квартиру. Теперь он находится под покровительством не только американской Фемиды, но и Голды Меир.

— Почему этого типа Кахане, которого девять раз задерживали за террористические действия, всякий раз со странной снисходительностью выпускали на свободу? — спросили министра юстиции США представители еврейской религиозной общины в Вашингтоне.

— У нас страна прочных демократических устоев,— философски ответил министр Джон Митчелл.

История последних лет показывает, что один из этих устоев — бандитская винтовка с оптическим прицелом...

МАРКИЗ НА РАСКЛАДУШКЕ

«Наконец-то настоящий отдых! Тур по Европе! 22 дня! Вас ожидает абсолютная роскошь, как гостя аристократов! Вас будут развлекать князья и графы, маркизы и принцессы! Романтики, не проходите мимо своего счастья! Вам покажется, будто вы живете в романе или в захватывающем кинофильме! Вы попадете в высшее общество!»

Этот набор призывов целиком взят из рекламного каталога Неймана Маркуса — хозяина знаменитого универсального магазина в Далласе. Теперь Нейман Маркус в виде «нагрузки» к подтяжкам и бюстгальтерам продает туристические путевки в гости к европейским аристократам. «А с чего бы это вдруг,— поинтересуется любознательный читатель,— князьям и графам заводить пансионы на потребу заезжим романтикам и зазывать в свои замки постояльцев на баронскую койку и трехразовое питание?»

Английская газета «Санди таймс» отвечает на этот законный вопрос: «Так как Англия опять затянула свой пояс на еще одну экономическую дырку, в нынешнем году все больше и больше лордов и леди открывают пансионы и пускают к себе жильцов. У американцев,— продолжает газета,— наблюдается все возрастающее стремление приобщиться к великосветской элите».

И предприимчивые дельцы там и сям организуют агентства, где за приличное вознаграждение клиент может приобщиться к чему-то родовитому, многовековому, геральдическому.

Нейман Маркус знает, как выманить у богачей содержимое их загашников. Он обещает: «Если вы поедете по туру, организованному Нейманом Маркусом, вы поймаете крупную рыбку» (имеется в виду крупная знать). И Нейман говорит сущую правду, черт бы его побрал!

«Одними из первых,— пишет «Санди таймс»,— кто пожелал взять к себе на постой туристов, были такие близкие к королевской фамилии особы, что их имена нельзя разглашать».

Не от хорошей жизни принимает у себя английская знать богатых американских искателей приключений. Ведь, честно говоря, в другое время безродного нефтяного миллионершку и на порог герцогского дома не пустили бы. А нынче времена не те пошли: бензин дорог, расходов уйма, то то, то другое, а тут еще Ирландия, Родезия, крыша вон в резиденции прохудилась, течет! И хошь не хошь, а принимай, лорд, плебея, да по-родственному! Мол, «Здравствуй, дорогой миллионерушка! Проходи, родной, гостем будешь!»

И ложится нувориш презренный в маркизову постельку, а сам маркиз мается на раскладушке и ругательски ругает злую нужду, что заставила его за 88 фунтов стерлингов двое суток ублажать веселую заезжую заокеанскую бороду.

Т. ШАБАШОВА

Михаил ВЛАДИМОВ

УРОК ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Быть учителем в американской школе небезопасно. 75 процентов учителей в городе Сент-Луис носят при себе оружие, чтобы обороняться при конфликтах с учащимися или их родителями.

«Семьи с колледжем связь
нужна!» —
Вопрос о воспитании
Учитель Вуд поставил на
Родительском собрании.

Родители явились в класс
Угрюмые и важные.
И, с Вуда не спуская глаз,
Ловили слово каждое.

— Что делать нам! —
сказал им Вуд.—
Как положенье выправим!
Все ваши чада курят, пьют...
Отцы сказали: — Выпорем!

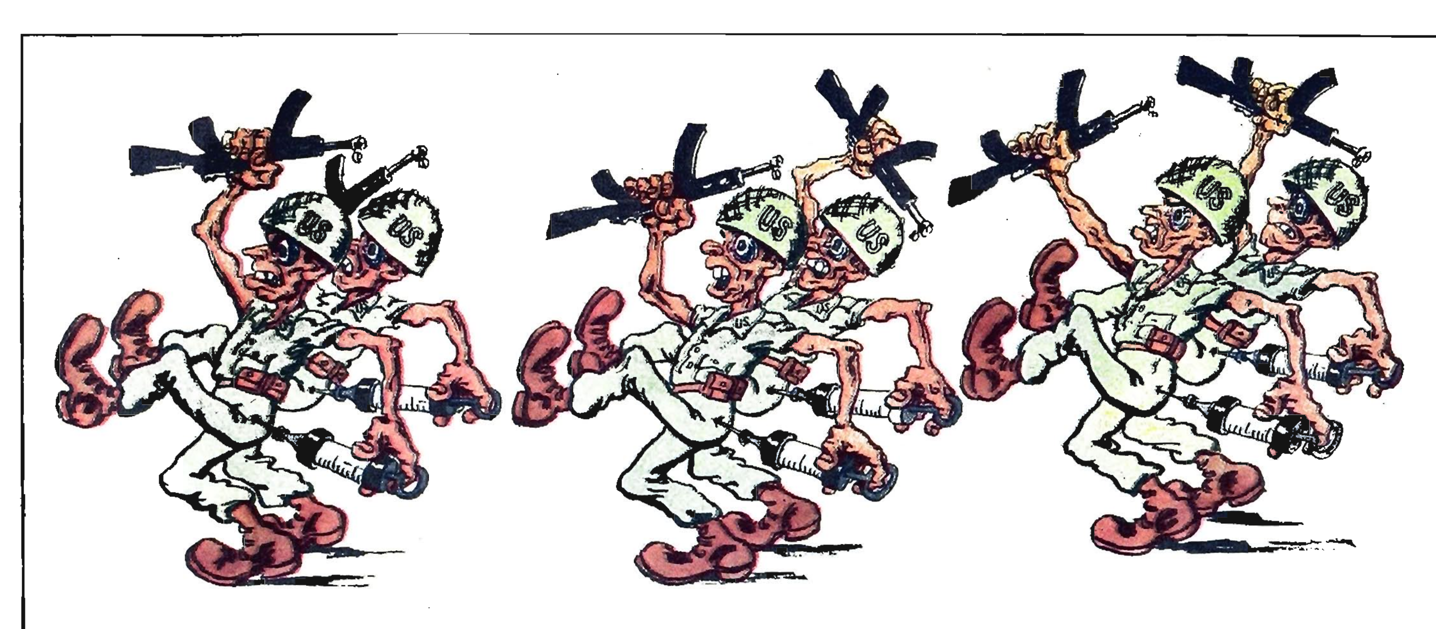
— А в жизни служат
образцом
Лишь гангстеры да кино им.
Непослушание во всем!..
Отцы сказали: — Выпорем!

— То подкупить меня хотят,
Задание не выполнив.
А то избить меня грозят...
Отцы сказали: — Выпорем!

— Настал терпению предел!
Из школы будет выдворен
Тот, кто к ученью охладел...
Отцы сказали: — Выпорем!

— Хочу, чтоб каждый
мне помог.
Благодарю заранее! —
Сказал довольный педагог.—
Окончено собрание...

— Скидай-ка брюки,
мистер Вуд! —
собрались в круг родители.—
Мы сообща решили тут,
Что выпорем... учителя!

Американское командование признало, что 50 процентов личного состава армии США в Южном Вьетнаме потребляет наркотики.

ЭЛИКСИР ХРАБРОСТИ

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Я. РЫСАКОВ

ГУМАННЫЙ НАМЕК

Недавно американский журнал «Тайм» японцев пожалел.

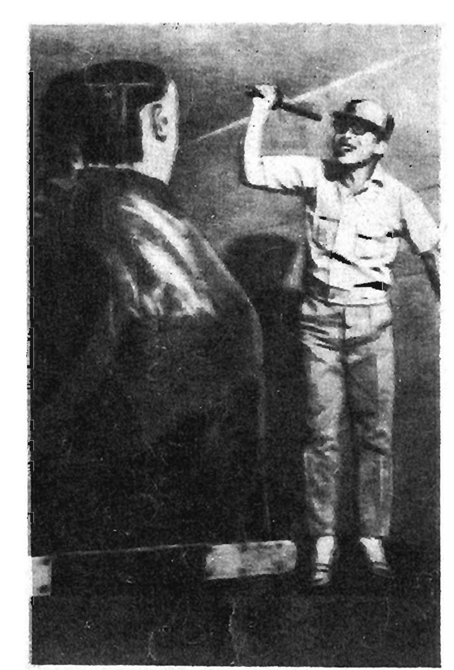
Он их пожалел, конечно, не в открытую — мол, бедные, бедные,— а окольным путем. Таким тонким намеком. Таким, знаете, гуманным взглядом со стороны обозрел некоторые чисто японские проблемы.

Значит, он пишет, что одна гигантская японская компания, делающая электронное оборудование, заметила неприличную нервозность в среде своих рабочих. И стала в тупик: как быть, чтобы эту нервозность отрегулировать? Чтобы рабочий не нервничал. А то он в нервном состоянии способен проводочки и колесики перепутать, в результате чего у него свободно может из микроскопа диктофон получиться, что весьма нежелательно в смысле качества продукции.

Вот эта гигантская компания присмотрелась, в чем причина, и поняла, что к чему. Оказывается, рабочий нервничает при виде своего непосредственного начальства. Мастера увидит — нервничает, начальника цеха увидит — тоже никак не успокоится, а как вспомнит, что над всем этим ещё и директор сидит — вовсе заходится и паяльник бросает. Чувствует он желание не столько паять, сколько, наоборот, кому-нибудь морду бить.

Ну, гигантская компания электронику в ход пустила и подсчитала, что, пока рабочий морду не набьет, производительности от него не жди. Куда деваться?

Я думаю, что поначалу она хотела приманять дядьку, похожего на директора, чтобы не отрывать настоящего директора от руководства. Чтоб этот дядька за особую зарплату подставлялся в нужный момент. Чтобы каждый, кто разнервничался, разряжал на нем свое нервное напряжение, срывал свое зло. Потом сообразили, что такое подставное лицо невыгодно в смысле получения зарплаты и лечения за счет гигантской компании. Рабочих-то много, а лицо одно. Это же его просто не хватит при всеобщей нервозности. И тогда они решили обратиться к помощи психиатрической науки.

Вот что пишет «Тайм»:

«Оставив свое место, разъяренный рабочий подходит к чучелам размером в человеческий рост, установленным на платформе. Взяв бамбуковую палку, предусмотрительно положенную рядом, он яростно атакует чучела, лупя и полосуя их, пока из него не выходит вся ярость».

Гигантская компания жмет также и на юмористический момент. Она установила кривые зеркала вокруг этих заместителей начальства. Чтобы рабочий увидел себя, какой он в момент гнева, и посмеялся от души.

Но «Тайм» пишет:

«В то время, как некоторые рабочие, возможно, чувствуют облегчение, получив возможность отлупить чучело хозяев или сослуживцев, не все японские специалисты-психиатры согласны с тем, что «комнаты саморазрядки» — хорошая идея». И в доказательство журнал приводит слова одного доктора из института охраны психического здоровья, который считает, что «подобное облегчение от напряжения является чисто временной мерой и может вызвать скорее даже еще большую нервную напряженность среди рабочих».

Все это, конечно, правильно. И правильно «Тайм» жалеет японских рабочих.

Но жалеет он их тоже не задаром. Он их жалеет с дальним прицелом. Он пишет:

«...около одной трети всего населения, находящегося на зарплате, обнаруживает такие симптомы»;

«...возросло количество недомоганий среди промышленных рабочих»;

«...работа тяжело давит на людей в Японии, озабоченных увеличением выпуска продукции».

Вот тут-то, собственно, и следует остановиться, потому что «Тайм», будучи американским журналом, озабочен увеличением выпуска японской продукции больше самой Японии.

Потому что продукция эта давно вышла из японских берегов. То, что она «давит на людей в Японии», не так болезненно действует на «Тайм», как то, что она давит на мировой и особенно американский рынок. Оттого-то добрый «Тайм» и жалеет японцев «за сверхвысокий уровень производительности труда».

Мол, не суетитесь, дорогие японцы, не выдавливайте с мирового рынка американские товары — вам же будет облегчение для нервной системы.

Вот какая международная жалость приключилась на страницах американского журнала.

Такой, знаете ли, гуманный намек...

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

Е. МАТВЕЕВ

УРОЧИЩЕ

Не сговаривались. Но злоупотребляли так одновременно, что можно было подумать, будто они вызвали друг друга на несоциалистическое соревнование.

Но подумать так было некому. Начальство вышестояло далеко на юге, в предгорьях, а тут полупростиралась полумертвая полупустыня, и она едва радовала глаз. Урочище тут было. Кенес-Анархай. В нем — сами по себе две организации: машинно-животноводческая станция и рабкооп. И настолько они тут сами себе оказались предоставленными, что председатель правления рабкоопа Сагынбеков и главбух станции Коровин попробовали быть немножко посамостоятельнее в оформлении кое-каких денежных документов.

Немножко попробовали — немножко понравилось. Побольше попробовали — понравилось побольше. И дело вроде нехитрое: наработал, скажем, на рубль, а оформляешь на два — вот и выходит лишний рублишко детишкам на коньячишко.

Конечно, рубль это только для примеру. Не коньячная это сумма — рубль. На самом деле с сотен начали. Потом пошли тысячи.

Тут уж пришлось искать помощников-оформителей и делиться с ними добычей.

Некоторые отзывались охотно. Прораб Шокарев помог безволокитно оформить «строительство теплотрассы гаража» на 2 256 рублей вместо 33 рублей, за что сразу же и гонорар получил — 400 рублей. А мастер-печник Радченко, приехавший в рабкооп из столичного города Фрунзе, даже табель учета рабочего времени завел и фамилии рабочих для табеля придумал. И потом смотришь — вроде бы простой навес над печкой смастерен, ан нет, оказывается: «воздвигнуто здание».

Кое-кто втягивался ненароком, случайно, как, например, завобщепитом Кариев. У этого завобщепитом председатель правления алкоголем отоваривался, а губа у председателя была не дура. Ниже «пяти звездочек» председатель не мельчал, вреднее шампанского ничем не опохмелялся, денег не платил. Так брал.

Хватился завобщепитом, а «товару» уже почти на тысячу рублей председателем выкушано.

— Ух ты! — восторгнулся председатель, узнав сумму.— Придется тебе, парень, некоторые цены округлять. Ну, на другие вина. Ну, соображаешь? Ну, дуй!

А были и такие, что, наоборот, отговаривать пытались. Рабочие из бригады Кошевого даже слегка припугнули своего бригадира.

— Статья восемьдесят восьмая! — намекнули они на уголовный кодекс Киргизской ССР.

— У нас здесь статья особая! — не обиделся на них Кошевой.— И очень хитрая.

Он хвастун был, этот Кошевой. Это только поначалу были кое-какие хитрости. «А вдруг,— думали,— нагрянет кто-нибудь из управления пастбищ или из «Киргизпотребсоюза». А подать сюда, скажет, Ляпкина-Тяпкина!» Для этого по Гоголю же и «ревизскую сказку» сочинили. Списки «мертвых душ», «работающих» в Кенес-Анархае. За них расписывались, за них и деньги получали.

Но никто не нагрянывал. Попробовали механически исправлять цифры в платежных ведомостях — все равно никакого отзвука из столицы. Плюнули на всю механику, стали красть просто. Председатель рабкоопа Сагынбеков стал брать натурой: холодильниками, костюмами, мотоциклами... Привезли в поселок три магнитофона, так он себе сразу два взял, а старшему бухгалтеру Войнце только один оставил.

— Зачем тебе два? — удивился тот.

— Не знаю,— пожал плечами председатель.— Хочется.

А на машинно-животноводческой станции интересной «натуры» не было. Брали наличными, но тоже хорошо брали.

Подошел однажды к кассе некто неизвестный и неуверенно представился Ивановым.

— Пятьсот двадцать четыре рубля мне бы...— еще неувереннее объяснил он.— И восемьдесят две копейки...

А сам топчется, мается, глазами по потолку елозит.

— А вот мы сейчас проверим! — на всякий случай сказала кассирша, просто так берясь за какие-то бумаги.

— Не надо! — закричал незнакомец и, громыхнув сапогами, исчез.

А через несколько минут к кассе подошли раздосадованные главбух Коровин и бригадир Кошевой.

— На этот раз вот он получит за «Иванова»,— указал главбух на бригадира,— а потом — кто бы ни пришел! Иванов — значит Иванов!

Вот ведь до чего, и то ничего!

Сначала по общей сумме раздобытых у отечества денег впереди машинно-животноводческая станция шла. Но и рабкооп сдаваться не хотел. А к финишу конкуренты настолько сравнялись, что если б это было в спорте, то их только фотофиниш мог бы рассудить.

Но тут судить пришлось другим способом.

Финиш все-таки наступил. На третий год соревнований во Фрунзе все-таки удивились, просматривая кое-какие бумаги из Кенес-Анархая.

По этим бумагам выходило, что над урочищем пробушевал страшный ураганище, поваливший четыреста метров забора вокруг рабкоопа и не пощадивший кооперативную же уборную, навес над мастерскими и кое-чего еще. Пришлось рабкоопу на этот ветер тысячу рублей с лишком выбрасывать.

Но зато, опять же судя по бумагам, за это время машинно-животноводческая станция заблагоустраивала весь поселок. Не пожалела ни средств, ни рабочих, которым пришлось таскать гравий в свое урочище из далекого карьера чуть ли не пригоршнями. Целую сопку в урочище наворотили.

Ну, и поехали в Кенес-Анархай посмотреть, а может, даже кого и попоощрять за такое трудолюбие. Ну, и узнали, что ветер хоть и был, но сорвал всего несколько дощечек. А гравий хоть и впрямь своей кубатурой смахивает на сопку, но привезен целым отрядом «левых» шоферов из Алма-Атинского домостроительного комбината. Ну, и остальное одно за другим начало обнаруживаться.

В результате для участников «соревнования» пришлось устраивать соответствующий «сбор» в одном месте, где их публично рассудили и после чего они разъехались кто куда активно отдыхать от какой бы то ни было финансовой деятельности.

И есть надежда, что урок, который они преподали, запомнят не только в урочище. Кстати, «урок» не совсем уместное для этого случая слово. Разворовано было так внушающе много, что, пожалуй, здесь опять-таки подойдет слово «урочище».

— Заведующий занят: он вручает премии за отличное содержание районных дорог.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

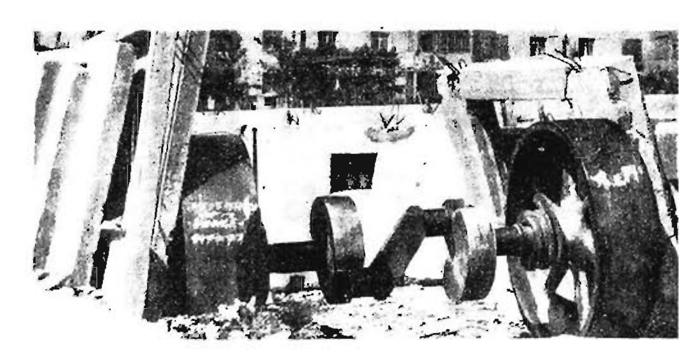
СРЕДИ АКТЕРОВ

— А ты все еще исполняешь шаги за сценой?
— Да, но зато в столице!..

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ВИЛЫ В БОК!

Осталось немного...

Перед вашим взором мощный коленчатый вал с маховиками. Прямо скажем, агрегат необычный — на редкость стойкий. Уже несколько лет Душанбинский завод крупнопанельного домостроения испытывает его на прочность: в работу не пускает, держит под открытым таджикским небом. Агрегат моют дожди, засыпают пыль и пески, накаляет палящее солнце. А он ничего.

Впрочем, не он, а его хозяева. Правда, и им надоело любоваться своим дорогим экспонатом, поэтому они оградили его с трех сторон от взора любопытных крупнопанельными плитами. Осталось лишь закрыть с четвертой стороны и сверху — тогда будет все в порядке.

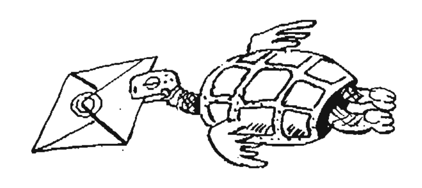
Б. САВЕЛЬЕВ

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Житель станицы Упорной, Лабинского района, Краснодарского края, И. Б-н, решил поздравить своих знакомых в Геленджике с Новым годом. Понимая, что почте придется преодолеть немало рек, лесов и гор, он отправил свою открытку заблаговременно — 28 декабря 1967 года.

И полетело письмо на самой большой скорости. И дошло, конечно, точно по указанному адресу 9 июля 1971 года. Годы странствий — даже подумать страшно, а открыточка, как новенькая, и картинка видна, и текст прочитать можно. Сберегли, доставили и адреса не перепутали!

С. РЫЖАК

ТАКОЕ СЧАСТЬЕ — ТЕЛЕФОН!

У меня на кухне начался пожар. Я пытался потушить сам, но не сумел и побежал к телефону вызывать пожарных. Я снял трубку. В трубке смеялись и спрашивали про гвозди. Я нажал на рычаг, снова снял трубку и набрал аварийную. «Нет, нет и нет! — прокричали мне.— Если вам нужна та база, что была вместо этой базы, то позвоните туда, где была та база!» И я догадался, что не туда попал.

Огонь весело обгладывал ножку стола. Я побежал на улицу искать автомат. Обогнал машину «Скорой помощи» и свернул в переулок, где было пять пустых будок.

В первой трубка оказалась аккуратно срезанной вместе с проводом. В другой трубка была, но не было диска. В третьей все было, и я набрал аварийную. «Ты знаешь, Мариам,— услышал я,— это такое счастье — свой телефон, не понимаю, как я раньше жила без телефона! Скучно — звоню тебе, крыша обвалилась — никуда бежать не надо, звоню в домоуправление...»

Я бросился к следующей будке. Оттуда уже выходил какой-то мужчина. «Работает?» — спросил я. «Не работает,— ответил он.— Я все время не туда попадал и сейчас опять не туда попал, но немного поговорил, чтоб монета не пропала».

Я бросился обратно домой. На углу моей улицы дети хором распевали популярную у нас в Ереване песенку:

Эй, джан-Ереван, родина моя,
Персики, чучхели, сладкий виноград!
Приезжайте в гости, буду очень рад.
Новая квартира, новый телефон,
Будем разговаривать сразу вчетвером!.

На месте моего дома был небольшой аккуратный пустырь. По нему бродила кошка и брезгливо принюхивалась к запаху гари. Зато сразу за бывшим моим домом я увидел телефонную будку. Из нее я позвонил родственникам...

— Аварийная служба слушает,— вдруг сказали мне.— Что случилось, гражданин?

— Все в порядке,— ответил я.— Не беспокойтесь, уже поздно.

Б. АГДАСАРЯН

г. Ереван

В переносном смысле

Получил как-то Генрих Гейне от друга довольно объемистую посылку. Стал распаковывать — семь одежек и все с застежками. Наконец, дораспаковался, извлек из оберточной массы маленький ларчик, а в нем коротенькую записочку, что, мол, у друга все идет хорошо.

Прошло какое-то время, и уже приятеля великого поэта вызвали за посылкой в почтовую контору. А там дожидался его пребольшущий ящик. И в нем — целая глыба и листочек со строкой: «Дорогой мой, посылаю тебе этот камень, который свалился у меня с сердца, когда я узнал о твоем полном благополучии.

Твой Г. Гейне».

Нашлись в наши дни люди, которые, решив посоревноваться в

почтовых проказах, повторили в несколько ином варианте историйку почти полуторавековой давности: отправили футлярчик с часами «Молния» в ящике весьма и весьма нескромных габаритов.

Да и сами часы оказались шуточными. С таким же успехом можно измерять время по гейневскому камню. Носить себя они еще позволяют, но самостоятельно ходить категорически отказываются. Правда, проказники из Свердловской базы Посылторга компенсировали этот небольшой изъян бесплатным приложением — ворохом старых газет.

В заключение, специально для любителей курьезов и диковинных совпадений, мы приберегли одну пикантную подробность: злополучный получатель «Молнии» — житель поселка Чапаевка, Кустанайской области, носит фамилию Гейне. Думается, этот факт и побудил свердловчан начудить именно так.

Р. БЕРКОВСКИЙ

ВИЛЫ В БОК!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Репортаж о...

«... До конца последней встречи
Остается пять минут.
Два соперника извечных
Напряженный бой ведут.
Град ударов — слева, справа,
Не смолкает трель свистка.
Бой идет не ради славы —
Ради лишнего очка.
Сил последних не жалея,
Бьют друг друга в бровь и в глаз.
Что там Клей — почище Клея
Кадры выросли у нас!
К сожалению, досрочно
Расстаемся мы, друзья:
Неожиданным, но точным
Аперкотом сбит судья.
Кто-то, видимо, увлекся!
Мы рассказ кончаем наш...»

Только это не о боксе —
О футболе репортаж!

г. Ленинград

Ф. НОСКОВ

Повысили

Кузьмич до треста
Шел, держась за грудь.
Одолевал второй этаж,
Как крепость.
И дернул черт его
Начальство критикнуть
За грубую служебную нелепость.
Хотя начальник
Вспыхнул сгоряча,
Но все ж на критику
Не затаил обиду
И даже вдруг
Повысил Кузьмича —
По-честному!
Не то, чтобы для виду...
Теперь Кузьмич
Работает уже
Не на втором —
На пятом этаже!

г. Калининград

А. КОЧЕТОВ

Болит сердце

Представляешь, Васек, закавыка какая вышла. Налей-ка по стаканчику. На той неделе встречаю во дворе нашего участкового. Ну поболтали о том о сем, насчет футбола проехались. А потом он и заявляет: не по средствам, видишь ли, живу. Представляешь? Я не отрицаю, кое-что имею: два холодильника, один домашний, другой для дачи, гарнитуры: спальный — красного дерева, столовый — под орех. Телевизор, конечно, имею цветной. Магнитофон «Телефункен», который в комиссионке достал... Ну и что? Ведь все барахлишко горбом нажито. Оттого, может быть, и болезнь эта проклятая ко мне привязалась. Житья не стало. Все беды через нее, будь она неладна. Как ее? Язык вывихнешь, пока название произнесешь. Что-то нерусское... Стено... кардия, вот!

Слышь, Васек, где же справедливость, я спрашиваю? Где? Больного человека оскорбляют. Спасибо, хлопцы, с которыми я козла забиваю, заступились, а то могли бы ни за что ни про что честному человеку какое-нибудь дело припаять. Он, понимаешь, страдает неизлечимым недугом, а его хапугой обзывают. Давай, Васек, еще по стаканчику. Плохо мне, муторно. А все потому, что каждую мелочь близко к сердцу принимаю. Особенно выводят меня из равновесия разгильдяи, которые к народному добру спустя рукава относятся.

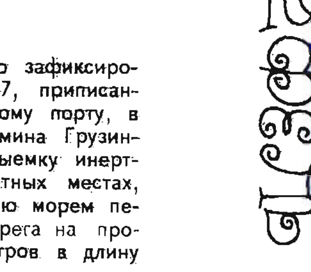
Понимаешь, Васек, доски на улице валяются. Штабелечком, правда, так аккуратненько сложены и куском толя сверху прикрыты. Но никто за ними не присматривает, никому они не нужны, раз толем-то прикрыты. Одним словом, глянул я на такую бесхозяйственность и аж закачался весь от приступа стенокардии. Два дня скрючившись вокруг досок ходил. Лихорадит даже. На третьи сутки не стерпел, грузовичок подогнал и штабелек беспризорный забрал. Продал на сторону. А как деньжата-то начал пересчитывать, чувствую, стенокардия отпускает помаленьку.

Или вот, помню, как-то трубы увидел. Хорошие такие трубы, водопроводные. Дефицит. Люди мучаются, достать их нигде не могут. А они, пожалуйста, лежат себе, никем не охраняются, никому не нужные. Ну, думаю, я им покажу, как добром народным швыряться. Затрясло меня всего. Глаз стал дергаться. Руки дрожат, губы побелели. Все признаки стенокардии. Пришлось трубы эти в дело пустить. Дачнику одному продал. Тот благодарит меня, чуть ли не целоваться лезет, а я красненькие-то взял в руки, и успокоение пришло, на сердце отлегло.

А самый сильный приступ стенокардии, будь она трижды проклята, случился, как сейчас помню, когда я из-за трансформаторов переволновался. Они, верно, за оградой валялись, рядком так, аккуратненько, восемь штук. с неделю, наверное, мимо этого забора ходил. А они лежат себе и лежат. Никому до них дела нет. Никто их не сторожит. Стенокардия разыгралась со зверской силой, так, что наизнанку всего выкручивает. Чуть сознание не потерял. Слава богу, решился наконец и как-то ночью трансформаторам ноги приделал. А получил деньжата, чувствую, полегчало, на поправку дело пошло.

Вот, Васек, какие дела. С трансформаторами худо вышло. Засекли меня все же впоследствии. А разве я виноват? Больной ведь я... Очень скверная болезнь. Врагу не пожелаю испытать на себе стенокардию эту.

Налей по последнему, Васек. Тяжело мне. На поруки-то меня взяли, это верно. А как, скажи, можно ручаться за больного человека? Ты думаешь, я почему пью? Да оттого, что худо мне, ой, как худо. Мутит всего. И щемит сердце, щемит. Не могу спокойно смотреть на разгильдяйство, бесхозяйственность разную. А виной всему стенокардия проклятая. Со вчерашнего дня опять донимает. Боюсь, не выдержу, сорвусь... Как это «держись»? Как тут удержишься, если в соседнем дворе мотки медной проволоки валяются, аккуратненько так сложенные. Без присмотра. Никому не нужные...

Тариэль АРШБА,
сотрудник газеты
«Советская Абхазия»

ПОХИТИТЕЛИ ПЛЯЖЕЙ

Время приближалось к утру. В густых облаках пряталась луна. Все благоприятствовало проведению задуманной операции. Вахтенный, он же и лоцман, время от времени выкрикивал:

— До берега семь кабельтовых... Пять кабельтовых!.. Три кабельтовых...

Когда плавкран СПК-7 мягко врезался в береговую гальку, старпом весело приказал:

— Начинайте, ребятки, да поживей!

Загремели цепи, заскрипели лебедки. С высоты башенного крана грохнул с разинутой пастью ковш. Откусив от берега этак кубиков пять морского гравия, ковш медленно поплыл вверх...

— Ага, попались! — услышал вдруг старпом торжествующий голос с берега.

Но старпом — человек бывалый. Голыми руками его не возьмешь.

— Полный назад! Огни потушить! В разговоры с берегом не вступать! — отдал команду старпом.

— Стойте! Сдавайтесь! — кричали с берега.

Но судно продолжало уползать.

— Подпишите акт, потом уходите...— просительно кричали с берега.

— А кукиша не хотите? — ответили с плавкрана.— Нас здесь не было!

— Ах так! — угрожающе сказали с берега.— В таком случае мы пошлем сейчас же радиодепешу в управление Сухумского морского порта, а копию в Госкомитет по использованию и охране водных ресурсов...

Последнее, видимо, возымело действие. Команда, посоветовавшись, решила пойти на военную хитрость...

Через несколько минут, скрипя уключинами, к берегу пристала лодка. Из нее вышел старпом. Он приветливо улыбался хмурым и злым людям, молча встретившим его.

— Где ваш акт? Я вместо капитана подпишу. Он болен...

В акте уже стояли подписи старшины Гальской милиции, представителей Гудавского сельисполкома, Закавказского стройуправления треста «Гидромеханизация», Гальского эфирномасличного завода-совхоза, а также понятых — отдыхающих с турбазы ленинградских энергетиков. В акте было зафиксировано, что плавкран СПК-7, приписанный к Сухумскому морскому порту, в обход постановления Совмина Грузинской ССР производит выемку инертных материалов в запретных местах, что привело к поглощению морем песчано-гравийной массы берега на протяжении до трех километров в длину и пятисот метров в ширину.

— Почему пишете неправду? — закапризничал вдруг старпом.— Не три километра в длину, а два. Да и с шириной вы напутали... Исправьте, иначе не подпишу...

Исправили. Старпом подписал акт и только было собрался сесть в лодку, как старшина его остановил.

— Я как человек человеку тебе говорю,— сказал он,— бросьте безобразничать. Отвели вам места для выемки гравия и песка, и вынимайте их там себе на здоровье. А красоту эту не трогайте, не грабьте пляжи... По вашей вине полностью исчез берег на Скурче. Море ринулось на земли и захватило десятки гектаров пашен.

Старпом слушал старшину и ухмылялся себе в ус.

— Не тревожься, старшина, все будет в порядке. Езжай домой спокойно.

Вскоре «газик» со старшиной и другими лицами укатил. А старпом сел в лодку и уплыл в направлении притаившегося плавкрана.

— Ну как? — нетерпеливо спросили старпома, когда тот поднялся на борт.

— Бумаженция подписана. Только совестно перед старшиной. Взял с меня обещание. Да ну его к чертям. Потийский порт забросал телеграммами Сухумский: давай песок, давай гравий. На нас нажимает начальник управления. А где взять материал быстро и много? Вот здесь и будем брать...

— Товарищ старпом! — вдруг перебил своего начальника матрос.— Прибыли баржи под погрузку. Запрашивают: будет ли гравий?

— Передайте, что все в порядке. Через сорок минут начнем выемку гравия. Пусть подплывают. Только без иллюминации...

Вскоре плавкран, скрежеща днищем о гравий, подплыл к самому берегу. Луна выглянула из-за облаков и осветила сказочно красивый песчаный берег, отливающий серебром. То там, то здесь чернели заливы с обрубленными, словно съеденными краями...

— Ну и клад! — не удержался старпом, зачарованно глядя на берег. На заливчики он не смотрел.— Два-три миллиона кубиков можно будет выбрать только здесь...

Старпом потер руки и весело крикнул:

— А ну, ребятки, живо за дело!

Ю. САМОЙЛОВ,
сотрудник газеты
«Кавказская здравница»

А КТО БУДЕТ?

— Райкина не будет! — грохотал громовой бас в пустых коридорах Кисловодской филармонии.

— Пьехи не будет!

— Гюли Чохели не будет!

— Будет вечная музыка! — пискнул кто-то из угла.

Раздались возня и глухие удары. Били остряка. Били за дело. В Кисловодской филармонии понимали толк в юморе и старых острот не спускали.

С этого начиналась подготовка к новому сезону.

* * *

На столе, как всегда, сияли бутылки с «Боржоми», дефицитным в Кисловодске (в селении Боржоми, как известно, дефицитен «Нарзан»). Перед членами худсовета лежала оттиснутая в типографии программка предстоящего концерта. Как всегда.

Директор филармонии В. И. Ешенко был мрачен. Как всегда.

— Итак. Сегодня вашему вниманию предлагаются эстрадные программы пяти мощных рассадников эстрадного искусства: московской, краснодарской, волгоградской, красноярской и местной филармоний.

Аплодисментов не было. Как всегда.

— Многовато за один присест...— усомнился кто-то опытный.— Повтореньица будут.

— Повтореньица вычеркнем,— решительно сказал директор.

— Тогда концертов не будет.

— Тссс... Не люблю цинизма. Итак, начнем с москвичей.

Московская бригада во главе с М. Харитоновым и Н. Тибергом торопилась на внеплановый концерт, и ее решили пустить в авангарде.

— Ну-с...— Директор изобразил на лице дежурную улыбку.— Что нам приготовили столичные корифеи?

Корифеи выпорхнули на сцену, подмигнули членам худсовета и залились младенческим смехом.

— Ха-ха-ха! Здрррасьте! Здрасьте, почтеннейшая публика, дорогие отдыхающие энд местные аборигены... Мы привезли вам наш «йоксель-моксель»!

Директор, зажмурившись, хлопнул залпом стакан «Боржоми». Полегчало.

Корифеи между тем продолжали хохотать, в промежутках между хохотом произнося слова. Слова были такие:

— Ха-ха-ха! — веселился низкорослый Тиберг.— Если бы меня опрыскивали, как растение, я бы наверняка вырос такой, как ты!

— Ха-ха-ха! — бушевал длинный Харитонов.— Кстати, чей у тебя свитер?

— Твой!

— Ты в нем утонешь!

— А я спасательный круг куплю!

— Ха-ха-ха!

У директора начала дергаться левая щека. В одну минуту перед его мысленным взором пронеслись те незабвенные времена начала века, когда цирковые клоуны Бим и Бом выкомаривали что-то подобное.

Однако от классических воспоминаний пришлось оторваться: Тиберг и Харитонов перешли к лошадям. Потоптавшись вокруг какого-то седла с брильянтами, они бодро воскликнули:

— Вот раньше лошади жили!

— Ха-ха-ха!

Худсовет безмолвствовал. Молчание проняло даже видавших виды сатириков.

— Танцевать...— сникнув, произнес один из них,— танцевать надо вдоль, а не поперек музыки.

Вслед за этим на сцену выскочила танцевальная пара артистов Катаниченко. Они пытались копировать когда-то блестящую пару братьев Гусаковых. Однако блеска не было. Был треск.

Когда он закончился, директор встал.

— Снять...— сказал он тугоплавким голосом.— Снять с программы.

— Планчик-то того...— подсказал кто-то опытный.— Прогорит.

— Тем более, концерт сегодня вечером. Райкина-то не будет?

— Не будет.

— Пьехи не будет?

— Не будет.

И все проголосовали «за».

* * *

Перешли к своим. Своя ведущая, очаровательная Оля Берникова, в который раз улыбнувшись, в который раз рассказала, что «Кисловодск — это негласная столица пенсионеров» (молодые члены худсовета в который раз поежились), что «тучные пассажиры должны оплачивать вес в багажной кассе», что в «Замке коварства и любви» откроют дворец бракосочетаний, где «будут жениться по любви, а не по коварству»...

«Боржоми» иссякал. Уборщица принесла на стол первый стакан водопроводной воды. Скоро, знала она по опыту, пошлют в аптеку за валидолом. Как всегда.

— Оленька!—взмолился директор.— Может, что-нибудь новенькое, а?

— А зачем, Василий Игнатьич? — парировала очаровательная Оленька.— Репертуар старенький, зато отдыхающие всякий раз новенькие.

* * *

По этой же причине одобрили и выступление волгоградцев под управлением Олега Рябова, простив им даже дебош в гостинице. И макси-пошлости красноярского «Мини мюзик-холла» под руководством Марка Горелика.

На сцену вышел Лев Синельников с краснодарским ансамблем «Ива». Он потряс присутствующих анекдотом:

— У вас водка свежая?

— Свежая. Как же иначе?

— Не скажите. Вчера купил три бутылки, выпил — и голова заболела.

Директор беспомощно оглянулся. Кто-то опытный уже не подавал реплик: потерял сознание. Уборщица что-то задерживалась в аптеке, наверное, пересказывала кассирше анекдоты Синельникова.

А он тем временем рассуждал, кто какие песни любит. Милиционеры — «качает, качает, качает», пенсионеры — «бывали дни веселые», молодой жених — «танец с саблями»...

Поздно вечером, качаясь, качаясь, качаясь, выходил В. И. Ешенко с заседания худсовета.

— Умаялись...— вздохнула многоопытная уборщица, убирая пустые бутылки и смахивая на пол недоеденный валидол.

— Ох, умаялись, Филипповна! Отдохнуть бы...

— А что? Вона сколько санаториев настроили. Берите путевку и отдыхайте себе культурненько...

— Культурненько? — Директор вздрогнул.— Нет, только не в Кисловодске!

* * *

И опять в пустых коридорах Кисловодской филармонии раздается ежесезонное заклинание:

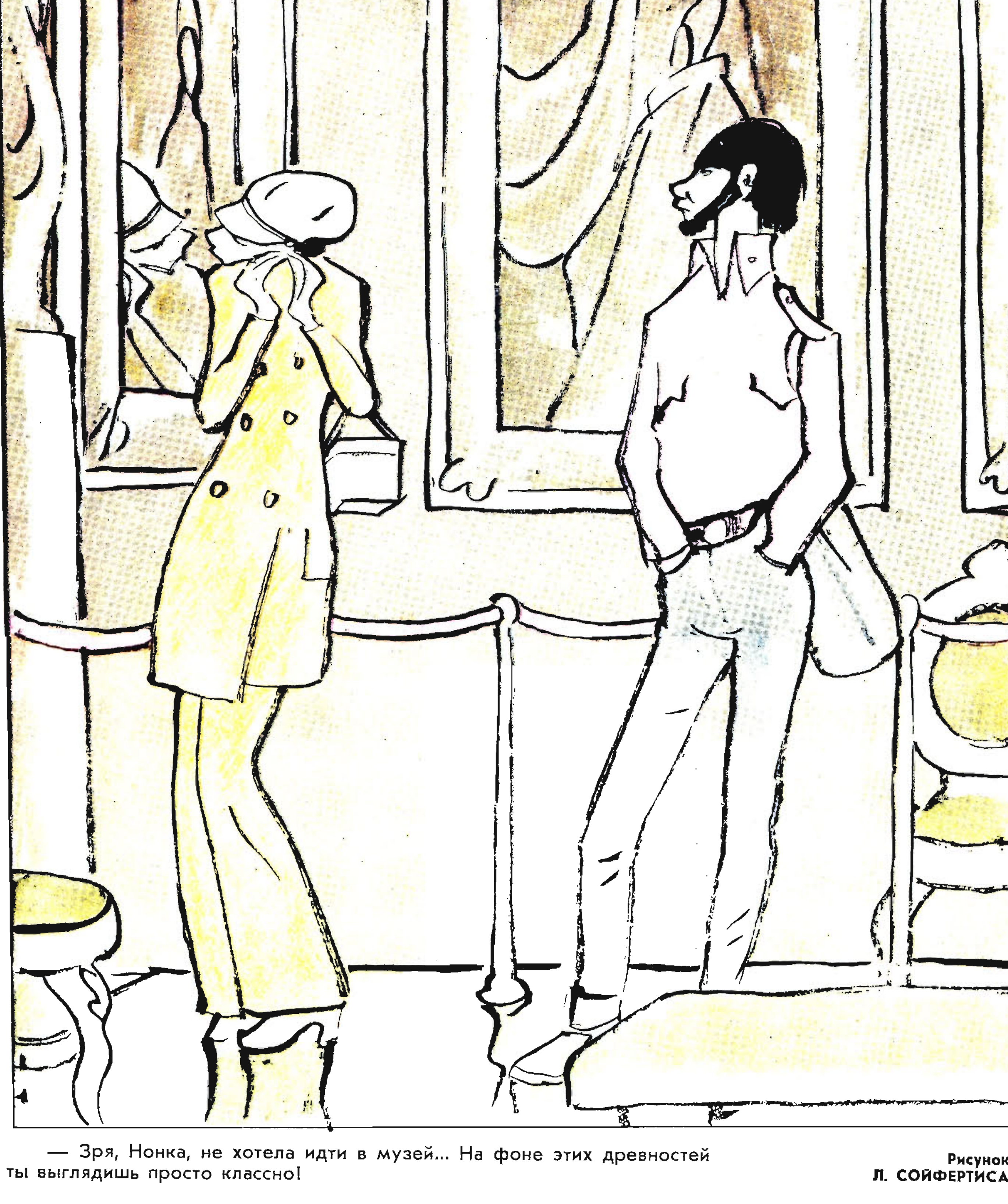
— Райкина не будет!

— Пьехи не будет!

— Гюли Чохели не будет!

А будет Тиберг. Будет Синельников. Будет вечная музыка халтуры.

Простите, конечно, за старую остроту. С кем поведешься...

— Зря, Нонка, не хотела идти в музей... На фоне этих древностей ты выглядишь просто классно!

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Плоды раздумья

Следует отличать «частную собственность» от «честной собственности».

В царстве квадратов все круги выглядят порочными.

Не познав наслаждения ленью, разве оценишь наслаждение трудом?

Бывают ситуации, когда сильные не должны уступать свое место слабым.

Если бы реки потекли вспять, количество плывущих по течению не изменилось бы.

Кинокритик прекрасно знает, как можно создавать отличные фильмы, но хочет, чтобы это делали другие.

Одни страдают манией величия, другие ею наслаждаются.

Алкоголь хорошо укрепляет нервную систему, если его не употреблять.

Если бы мы всегда говорили только то, что думаем, мы думали бы значительно меньше.

Иной брак подобен несправедливому смертному приговору, который заменен вечной каторгой.

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

По тому же поводу

Не одинокий Одиноков

В № 22 «Крокодила» было опубликовано стихотворение Ю. Благова «Жалоба», которое начиналось так:

«Я, больной Виталий
Одиноков,
Был из санатория «Заря»
Выписан гораздо раньше
срока
И — как ниже явствует —
зазря...»

Далее перечислялись проделки отдыхающего, вроде купания в парковом фонтане и т. д., из чего становилось ясно, что выписали его совсем не «зазря».

На днях в редакцию поступило следующее письмо:

«Дорогая редакция, в августовском номере «Крокодила» было опубликовано стихотворение о некоем Виталии Одинокове.

Мой муж, тоже Одиноков, в июне месяце отдыхал в доме отдыха «Джубга». После его возвращения в «Крокодиле» появилось вышеуказанное стихотворение, и начались неприятности. Хорошо, если бы мужа не знали в районе, а он человек известный, работает председателем Илекского райпо, и начался разбор в районных организациях...

Я убедительно прошу вас ответить мне, о каком Одинокове в данном стихотворении идет речь. Мне кажется, что со стороны мужа ничего подобного не могло быть.

В. ОДИНОКОВА,
с. Илек, Оренбургской области».

Редакция ознакомила с этим письмом автора стихотворения, который заявил:

Я, поэт-сатирик
Юрий Благов,
Сам хочу исследовать
вопрос:
Вышеприведенная бумага
В шутку сочинялась
иль всерьез?
Выдуманный мною Одиноков
В действиях своих не одинок,
Я же знать, что это выйдет
боком
Честным Одиноковым,
не мог!
Тем же, кто состряпал
обвиненье,
Я б за интеллект
поставил кол:
Ведь они прочли
стихотворенье,
А не милицейский протокол!

Реплики фельетонисту

«ЗА ФАСАДОМ «КАВКАЗА» И. КАРПОВА

Дорогой Крокодил!

В № 19 ты напечатал фото. На нем двор дома № 209, что по нашей улице Коммунаров. Двор примечателен тем, что в нем, сокрытые прекрасным фасадом гостиницы «Кавказ», нашли пристанище комодно-сундучного типа гаражи, выстроенные окрестными автовладельцами. Как краснодарец, а также как любящий тебя читатель, уточняю, что эта стоянка возникла здесь не вдруг, а много лет назад. И не по прихоти, а по нужде.

Многие почему-то считают, что раз автомобиль имеет колеса, значит, он должен все время двигаться. И особо ярыми приверженцами этого мнения являются архитекторы. Разрабатывая планировку городов, они с завидным постоянством забывают и про гаражи и про места для стоянки четырехколесных друзей человечества.

Б. МИЧНИК.

г. Краснодар.

●

Уважаемая редакция!

Таких снимков, как в № 19, могу прислать из каждого города штук по десять. Но я тоже «сундуковладелец». И уж коли речь зашла об этой жгучей проблеме, то, во-первых, считаю необходимым наладить производство ласкающих взор гаражей на индустриальной основе. А, во-вторых, в знак благодарности за поднятие животрепещущей темы даю тебе, дорогой Крокодил, один адресок. Поезжай в Астрахань, разыщи дом № 10 по Комсомольской набережной, поднимись на верхний, 9-й этаж, и перед тобой откроется еще более захватывающая панорама. Там, внизу, на огромной площадке такое скопление этих самых гаражей, такое многообразие сундучной архитектуры, что дух захватывает...

А. ГОЛОВЧЕНКО.

г. Элиста.

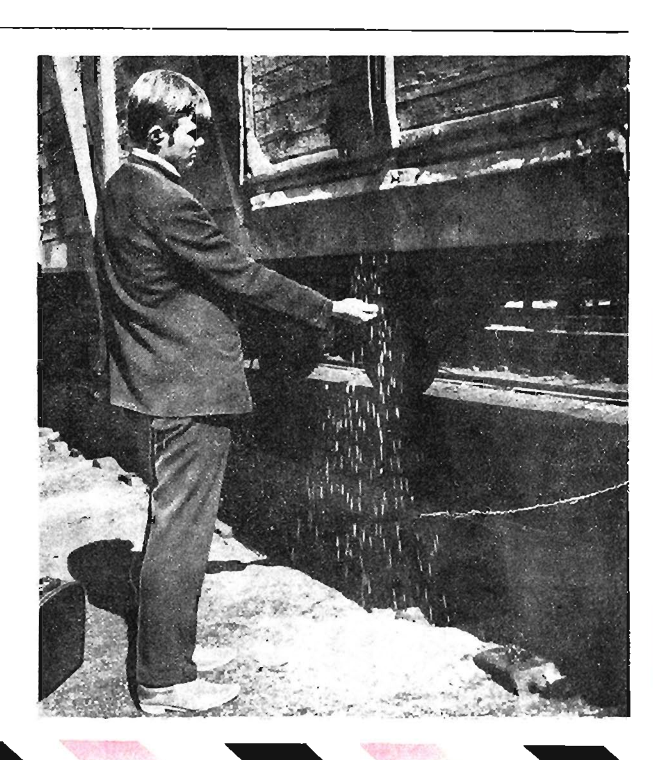

Выходим на связь...

РЕШАЕТСЯ ЛИ УРАВНЕНИЕ?

Как сообщалось в заметке «Уравнение со многими неизвестными» («Крокодил» № 22), работники 10-й дистанции пути Свердловской железной дороги «засекли» утечку из вагонных щелей зерна нового урожая в количестве 70 граммов на каждый метр железнодорожного полотна. Только на этом участке общий вес посеянного таким способом зерна составил 280 кг. К сожалению, «засечь» виновников работникам дистанции не удалось: прогрохотал состав — и исчез в туманных далях...

Фотографу В. Сасонову из города Балхаш в этом смысле повезло больше. Он не только прислал в редакцию этот документальный кадр, но и сообщил: зерно сыпалось из вагонов 249—8294 и 226—5084, отправленных со станции Пресногорьковская, Уральской железной дороги. Снимок сделан им на станции Моинты 26 сентября, как прикинул тов. Сасонов, за пять минут из вагонов утекло около десяти килограммов зерна.

В ответ на заметку «Уравнение со многими неизвестными» МПС СССР известило редакцию, что оно обязало начальников железных дорог принять дополнительные меры по ремонту вагонов, контролю за постановкой съемных хлебных щитов в дверных проемах и выполнением правил погрузки зерна в вагоны.

Это в общем и целом. Что же касается уравнения, заданного тов. Сасоновым, то его, надо полагать, придется решать конкретно. Неизвестных тут немного...

Мих. ГЛАЗКОВ

КАК У НАС В ОПОЧКАХ

С малых лет меня
Качала мать-метелица,
И слюну роняла
В люльку мне
медведица...

Как у нас в Опочках
Бани за лесами...
Малышом меня
На речке на Копале
В дымной проруби
Родители купали.

Владимир ЦЫБИН

Как у нас в Опочках —
бани
Да предбанники.
Я снимаю лапоточки
И подштанники.

Норовя со мною рядом
Присоседиться,
Трет мне спину
Здоровенная
ведмедица.

Наддает мне жару так,
Хоть лески сматывай,
И рычит над ухом
Бестия косматая:

— Ты не бойся, жизнь
твоя
Обезопасена.
И скажи, Володька,
Сын ты мне
аль пасынок?

— Сын! — кричу,
Хоть самому-то
мало верится,
И целуюся отчаянно
С ведмедицей.

А она мне все на ухо:
— Ты стишочки
Знай наяривай,
Да только про Опочки!

Ну, а чтоб в печать
Иные не попали —
Ты топи их,
Как слепых котят
в Копале.

Александр ИВАНОВ

Неизлечимый

Я болен.
Я неизлечим.
Я тяжко болен
стихотворством.
С тупым, бессмысленным
упорством
Живу я им.
И только им.

Гарольд РЕГИСТАН

Я сед.
С усами.
Я красив.
Я демоничен по натуре.
Но как над камнем тем Сизиф,
Так я тружусь
в литературе.

Я болен.
Я буквально псих.
Рифмую, на судьбу
пеняя.

И наползает стих
на стих,
Стихи стихами погоняя.

Пишу —
Как будто бы дышу.
Пусть говорят,
что это глупо.

А я неизлечим. Пишу.
Бессмысленно.
Упрямо.
Тупо.

Мих. РАСКАТОВ

Только так!

За ближней белизной домов саманных,
За зеленью в лесах и на лугах —
Ущелья в обязательных туманах,
Вершины в обязательных снегах.

Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

Есть у меня нелепые замашки,
О них, друзья, поведать вам спешу:
Хожу я в обязательной рубашке
И в брюках обязательных хожу.

Нет факта любопытней и отрадней,
Завидней, самобытней и милей —
Зимой мне обязательно прохладней,
А летом обязательно теплей.

Под южным солнцем медно-раскаленным
У самых волн уверенно стою,
Но в море, обязательно соленом,
Я воду обязательно не пью.

Затем иду по улице кипучей,
Конечно, обязательно вперед,
И дождик обязательно из тучи
Совсем не обязательно идет.

О. АРТЫНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ВЗДРОГНЕМ ЗА ОВОЩЕКОНСЕРВНЫЙ!

— Не моргайте, не сбивайте меня,— вежливо попросил Коля, прикладываясь к налитому по самую кромку розовым портвейном стакану.

Дружки затихли, потупя очи.

— Хух! — блаженно дыхнул Коля и закусил леденцовым медведем на палочке.

Дружки деликатно посмотрели на него. Они знали: сейчас будет речь. Коля, как истый оратор, концентрировался перед выступлением. Морщины, словно молнии, бороздили его лоб.

— Сколько ни пью,— начал он,— а портвейн завсегда идет хорошо. Сильный продукт! Я так скажу: у нас в Пугачеве три предприятия производят вино. Будем считать по пальцам. Водочный завод — раз. Хлебозавод — два. Там у них цех безалкогольных напитков выпускает «Вермут». Хорошего вкусового качества вино. Почти крем-сода. Так тонизирует! После хлебозавода у нас есть овощеконсервный. Предприятие, прямо скажем, отличное.

Слушатели солидарно зацокали языками. Вино с Пугачевского овощеконсервного уважали все.

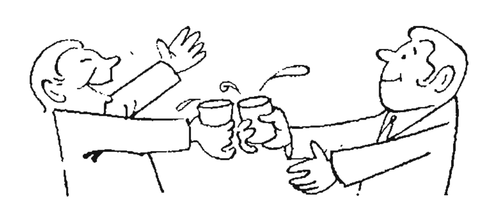
— Выпускает чистейшее молдавское... И где? Здесь, на берегу Большого Иргиза,— растроганно сказал оратор.— А разнообразие марок какое! Пожалуйста: «Вермут ароматизированный»...

— Мне кореш говорил,— сообщил доселе молчавший друг Боря,— там консервы поначалу хотели выпускать: борщи, щи, томаты и кубанский салат.

— Это еще зачем? — озадаченно спросил Коля.— Как консервами закусывать? Зубами их за углом не откроешь.

— Оно, конечно, если на опохмелку, то можно без закуса...— солидно согласился друг Боря.— Но я тебе говорю, что они хотели... Там у них на овощеконсервном складов нет. Главный корпус сдали, котельную сдали, а складов не сдали. Начальник из «Саратовоблсельстроя» Лян Виталий Владимирович твердую клятву давал, что склады построит. Третий год пошел, а клятва еще в силе.

— Боря, друг! Извини, конечно, если что... и вы, ребята, но я добавлю: обидно за овощеконсервный. Говорите, он закуса

не дает. А это что? Не закус? А? — спрашивал честную компанию Коля и совал всем по очереди леденцового медведя на палочке.— Я не знаю, как у них с овощами получилось, но с медведем они здорово придумали. Выпил ихнего «Вермута» и закусил ихним же медведем.

— Коля! — взял слово друг Боря.— Мне кореш рассказывал. Десять марок вина выпускает наш любимый завод, хотя считается овощеконсервным. Но вначале он был все-таки овощеконсервным. Даже что-то овощное выпускал. Но у них складов нет. Они хранили овощи даже в подвале Пугачевского банка. А овощи возьми и протухни. Пахло так, что банк закрывать хотели. Однако завод быстро стал на ноги. Понял, что консервы — это лирика, а вино — производственная необходимость.

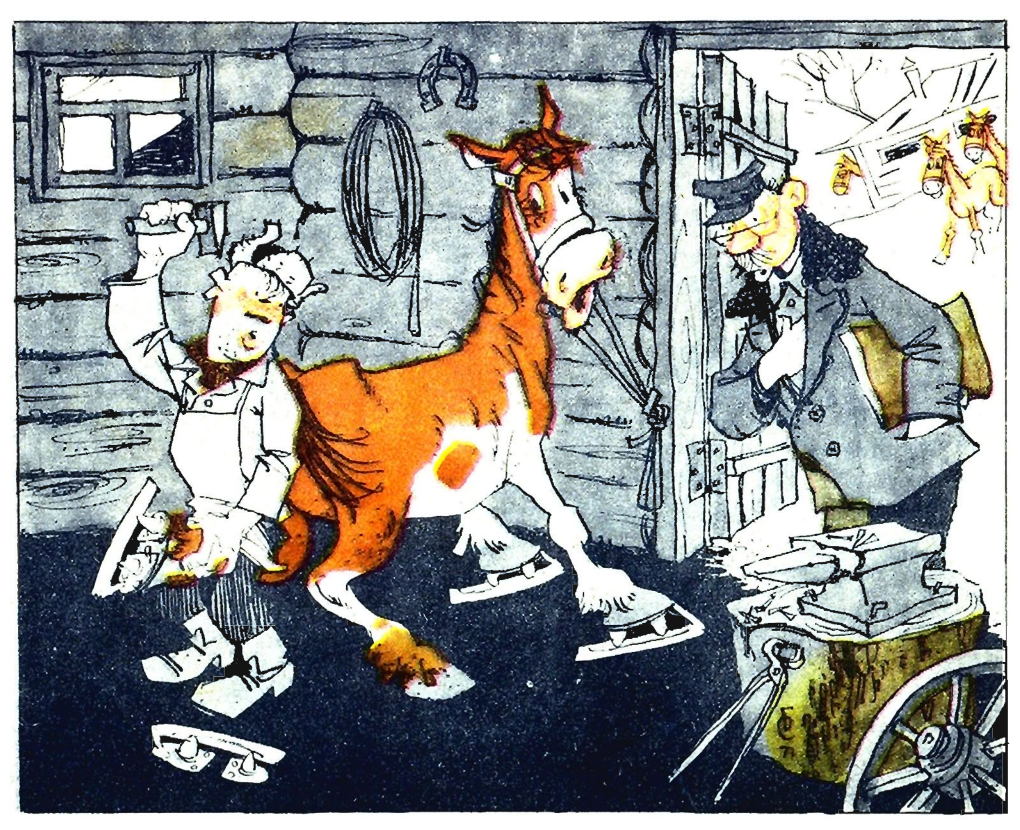
— И колбасы лирика? — ехидно поинтересовался кто-то из компании.

— Мне кореш говорил, что колбасное оборудование там у них есть, да больно мороки с ним много. Поэтому признали и это лирикой. Сам председатель «Саратовоблпотребсоюза» товарищ Комаров благословил начинание по виновыпуску. Без вина завод обошелся бы облпотребсоюзу дороже. А сейчас убытку всего на 236 тысяч рублей,— втолковывал дотошный друг Боря.

— Боря, не объясняй,— морща свой монолитный лоб, попросил друг Коля,— не объясняй. Зачем мне знать печальное прошлое любимого предприятия, когда оно так радует нас сейчас. Мы довольны. Выпьем за то, что нам нравится.

— Коля! Друг! Извини, конечно, если что, и вы, ребята... но Колька — поэт! Тост его мне по душе. Вздрогнем за овощеконсервный!

г. Пугачев

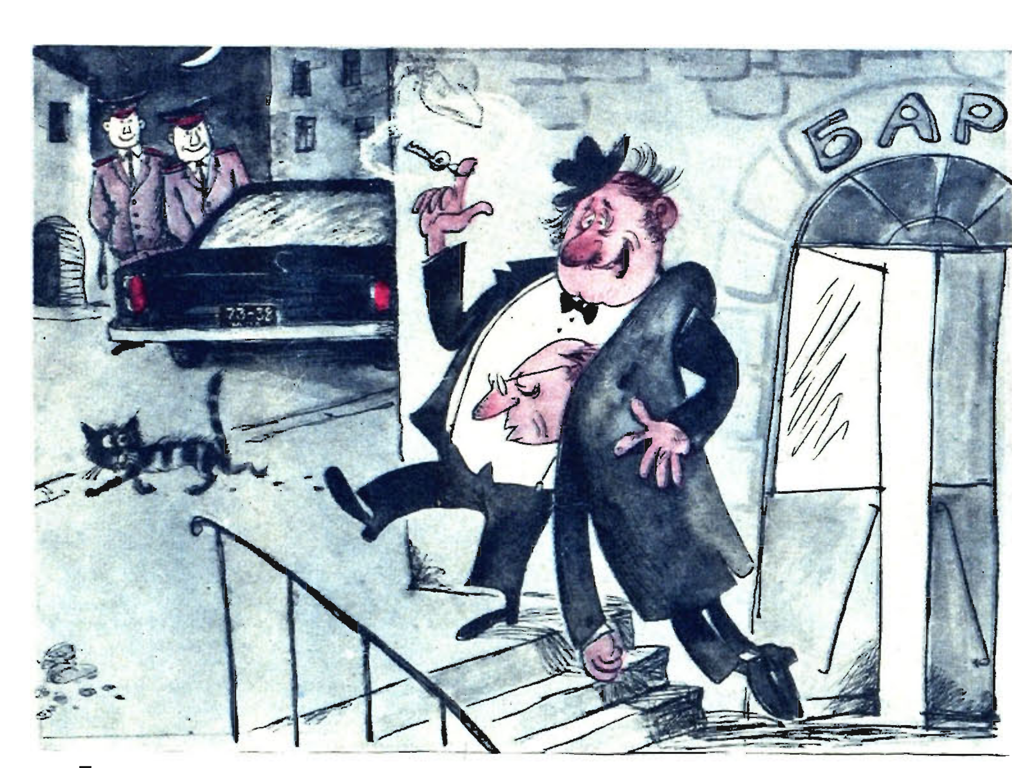
— В конюшне уже гололед!

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

— Как быстро летит время! Только вчера его дисквалифицировали на год, а сегодня он уже играет...

Рисунок Бориса ЛЕО

— Тут за углом стоит моя машина,— сейчас прокачу тебя с ветерком!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Борис ЕГОРОВ

ЧАЙНИКИ

Рассказ

Мне поручили наладить производство чайников.

Начальник, Который Ступенькой Выше, вызвал меня к себе, предложил присесть и спросил о самочувствии. Я сказал, что чувствую себя хорошо. Он неопределенно ответил «ага» и поинтересовался, как у меня дома. Я сообщил, что дома тоже все хорошо. Он опять сказал «ага», потом выдержал паузу, во время которой смотрел на меня изучающе, и продолжил:

— Так вот, директор. Дело-то серьезное. Чайники нам нужны.

Сказанное им прозвучало для меня неожиданно, и я переспросил:

— Кто? Кто?

Начальник, Который Ступенькой Выше, недовольно поморщился.

— Не кто, а что. Чайники. Займись-ка этим вопросом всерьез. И не тяни. Есть приказ, обязывающий лично тебя в трехмесячный срок... Ну, конечно, разъясни своим людям роль и значение и так далее... Установи объем изделия, выбери форму, материал, прикинь калькуляцию, набросай технологию. Словом, действуй! Поступай, как считаешь нужным.

— Самостоятельно?

— А как же еще?

— Я думал...

— Ты о чайниках думай. И решай. А иначе кто за тебя решать будет? Дядя? Ох, никак не могу приучить подчиненных к самостоятельности. Пойми: в свете подписанного приказа производство чайников... Короче, с первыми наметками — ко мне!

— К вам?

— А к кому же еще? Кто утверждать будет, как дальше поступать?

— Вы сказали: поступай, как считаешь нужным.

— Правильно! А советоваться и согласовывать ты ненужным считаешь?

Помня наказ «не тяни», я позвонил начальнику, Который Ступенькой Выше, на следующий же день. Образец у меня уже был: я принес его из дома.

Все, кто приходил ко мне в гости, неизменно обращали внимание на аппетитный пузатый металлический чайник. Спрашивали, откуда он у меня. Отвечал:

— В командировке по случаю купил. На Камчатке. А производство таллинское.

Выпивая по пятой чашке, гости приговаривали:

— Побольше бы таких чайников!

...Секретарь начальника, Который Ступенькой Выше, соединила меня с ним не сразу, он был все занят. Наконец-то я дождался свободной минуты, но секретарь предупредила, что начальник очень устал «и кажется, даже немножко в трансе».

Именно в этом отсутствующем состоянии — в трансе — я застал начальника, Который Ступенькой Выше.

— Я насчет чайника...

— Чайника? Какого чайника? Ты что? Ты о чем?

— Так мне же приказывали...

— А-а-а-а! Да-да! Забыл. Зашился. Было такое дело. Было! Вспомнил! Ну-ну! Какой он?

— Форма у него...

— Не-не. Ты сначала про содержание. Что главное у нас?

— Содержание — вода,— ответил я.— Вернее, содержимое.

— Так, так... Какая вода?

— Пресная. Не морская.

— Пресная? Ясно.

— И сначала она сырая, холодная. Потом — кипяток.

— Понятно. Понятно. Нагревается, значит... А скажи мне, директор, дудочка куда у тебя загнута?

— Вверх.

— Вверх?

— Да. Вверх. Вниз у чайников не бывает. Вниз — это у самоваров. Краники.

— А у тебя, значит, дудочка?

— Дудочка.

— И какая она?

— Прямая.

— Может, лучше ее волнистой сделать? А что с ручкой?

— С ручкой? Она металлическая, с деревянными накладками.

— А нельзя ли без накладок? Но погоди-погоди, мы ушли в сторону. Ты увел меня своими ручками-дудочками. Вернемся к главному — к содержанию. Вода, говоришь? В каком количестве?

— Три литра.

— А не много? Это на сколько же человек? Это же водянку можно получить. Нет, нет. Хватит двух.

— Два с половиной, а?

— Ну, куда ни шло, уступлю. А больше позволить, сам понимаешь, не могу. И вообще так, на ходу серьезные дела не разбирают. Ты подготовь вопрос. Мы тебе назначим время, когда будем слушать.

Потом у начальника, Который Ступенькой Выше, опять были всякие другие дела, но в конце концов меня «слушали». И начальник, Который Ступенькой Выше, твердым голосом сказал:

— Даю свою добро.

Я ликовал.

— Значит, с чайником порядок! Значит, теперь все на мази! Значит, можно запускать! Значит...

Выслушав мои восторженные слова, начальник, Который Ступенькой Выше, сказал еще более твердым голосом:

— Ничего это не значит. Это значит, что я не возражаю и вопрос пойдет дальше — к начальнику, Который Двумя Ступеньками Выше.

От начальника, Который Двумя Ступеньками Выше, вопрос понесли к начальнику, Который Тремя. От того, Который Тремя, потащили к тому, Который Четырьмя. А от того, Который Четырьмя...

Чайник становился то меньше, то больше. То выше, то ниже. То уже, то шире. Дудочка была то мини, то макси. То прямая, то гнутая. То в одну сторону, то в другую. И с ручкой разное происходило.

В зависимости от вкусов и фантазии тех, кто «давал добро». И в зависимости от того, какие у них при этом возникали ассоциации.

— А вот у моей бабушки чайник был со свистулькой,— заметил начальник, Который Двумя Ступеньками Выше.— Нельзя ли сделать так, чтобы чайник у вас свистел?

Я сказал:

— У меня свистит.

— Как свистит?

— Паром.

— Понимаю, не газом. А как? Звук воспроизвести можно?

Я сложил губы трубочкой.

— Фью-ю-ю-ю-ю...

— Уныло что-то. Минорно. А нельзя ли повеселее? Пободрее? Все-таки чайник нашего производства...

— Фью-ю-ю-ю.

— То́ном, то́ном повыше!

— Фью-ю-ю-ю.

— Уже другое дело! А? Остановимся на этом варианте. Только не забудь, директор, как ты у меня тут свистел.

Когда дело о чайнике дошло до начальника, Который Пятью Ступеньками Выше, тот спросил:

— А почему я должен им заниматься? У меня есть другие, более важные дела. Так ли уж необходимо мое вмешательство? Не толчемся ли мы на одном и том же месте? Или люди, которым поручено выпускать чайник, не справляются? Кстати, трехмесячный срок, названный в приказе, скоро истекает...

— Да, истекает. Тут что-то неладно,— признался начальник, Который Четырьмя Ступеньками Выше, и позвонил тому, Который Тремя. «Что же, мол, у нас получается?»

Тот, Который Тремя, позвонил тому, Который Двумя, а тот, Который Двумя, распек того, Который Одной.

А тот, Который Одной Ступенькой Выше, не растерялся и влепил мне выговор за то, что я не обеспечил.., не подготовил.., не разъяснил коллективу...

Но прежде, чем объявить мне выговор, он прислал на завод комиссию по проверке предприятия. Иначе он поступить не мог. Иначе получалось вроде, что он не принял мер. На основании длительных бесед с рабочими, мастерами, инженерами комиссия составила докладную и тем доказала, что работала она тоже не зря.

На основании докладной начальник, Который Ступенькой Выше, объявил мне выговор и тем подтвердил, что он отнюдь не отнесся к выводам комиссии равнодушно.

Нет, нет, он не сидел сложа руки! По его инициативе на завод прибыла выездная редакция газеты. Она начала выходить с шапкой на всю первую страницу: «До выпуска чайника осталось 13 дней», «До первого чайника осталось 12 дней».

Но и этим не ограничивалась забота о производстве начальника, Который Ступенькой Выше. Он звонил мне по телефону и тут же забрасывал кучей вопросов:

— Где вы пропадаете? Почему вас сразу не могли найти? Почему вы мне ничего не докладываете? Учтите: каждое утро вы должны быть у меня в приемной. В понедельник вы докладываете на планерке, во вторник — на летучке, в среду — на оперативке, в четверг — на пятиминутке, в пятницу — на диспетчерской прикидке...

— А-а-а ча-чайник? — спросил я, запинаясь.

— Что чачайник? — сердито сказал начальник, Который Ступенькой Выше.— Просвистели вы чайник. Вот и приходится выправлять положение.

— Но если я стану сидеть на всех оперативках и планерках, мне трудно будет осуществлять на месте...

Начальник, Который Ступенькой Выше, договорить мне не дал.

— Слушайте, вы на трудности не ссылайтесь. Вы что — легкой жизни ищете? Вы должны уметь работать в самых трудных условиях! Ох, директор, и спросим мы с вас! Ох, как спросим! И не пробуйте ссылаться на так называемые объективные причины. И разъясните своим людям цели и задачи... Я говорил уже вам: разъясните. А вы не сделали этого. Вы же в прорыве!

— Не только в нем,— сказал я.

Начальник, Который Ступенькой Выше, удивленно спросил:

— А в чем же еще?

— В трансе,— ответил я.

И я не ошибся, ибо то, что произошло дальше, подтвердило этот вывод. Собрав группу мастеров и бригадиров, я решил разъяснить им задачу, прочитать лекцию.

— Товарищи,— сказал я,— роль и значение чайника в наше время возрастает. Пить чай, как известно, у нас любят исстари. Пьют грузинский, краснодарский, цейлонский, индийский... Пьют с радости. И с горя. Широко известна картина «Чаепитие в Мытищах». Сегодня Мытищи — это большой индустриальный город, и в нем пьют не только чай. Но пьют, товарищи, также какао. Пьют «Ессентуки» и сок манго...

На следующий день начальник, Который Одной Ступенькой Выше, сказал мне на оперативке:

— Ну, наконец вы взялись за дело. Слыхал, с докладом вчера выступили. Но городили, говорят, черт знает что. Почему мне не показали тезисы? Согласовали бы. Посоветовались.

...Словом, выпуск первого чайника состоялся.

* * *

Возможно, товарищи, занятые производством чайников, скажут мне: «Это придумано, такого случая у нас не было». Ну, тогда, значит, я не о чайниках, а о чем-то другом.

— Судя по бедности диссертации, банкет мог бы быть и побогаче!

Рисунок Б. САВКОВА

Этим дело не кончилось...

Есть люди, которые так одержимы служебным рвением, что и минуты посидеть спокойно не могут, не дав кому-нибудь ценного руководящего указания. И случается, что не оставляют своими заботами не только живых, но и мертвых.

Такие примеры, к сожалению, встречаются в нашей суматошной действительности. Вот, скажем, в начале сентября скончался директор базы управления «Волговятбумснабсбыт» Виктор Павлович Ломакин. А 7 сентября в газете «Горьковский рабочий» появился некролог с выражением соболезнования семье и близким.

Однако этим дело не кончилось.

22 сентября в этой же газете была помещена заметка «Нарушение пресечено», где говорилось:

«Одновременно» управляющему «Волговятбумснабсбыта» тов. Ломакину во исполнение решения исполкома горсовета об использовании служебных автобусов предложено приобрести билеты в управлении пассажирского автотранспорта и обязать водителя обеспечивать ими попутных пассажиров, взимая с них плату, строго обозначенную тарифом».

Понимаете? «Предложено», а предлагать-то, выходит, и некому.

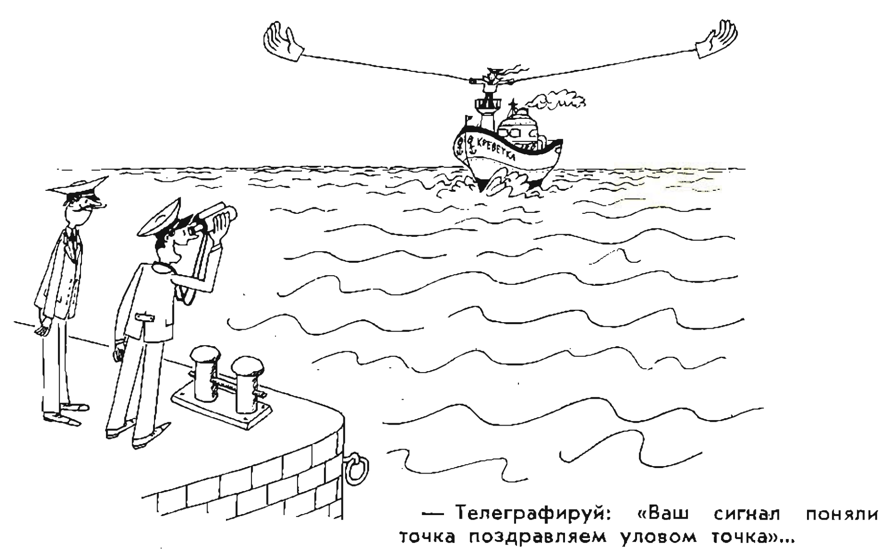
Но этим дело не кончилось. Через пять дней в той же газете выступает начальник управления материально-технического снабжения Волго-Вятского района товарищ Рубинчик. Он отвечает на статью «К нам не прислушались» и публикует вот такой абзац:

«...В УМТС издан приказ, по которому руководство управления «Волговятбумснабсбыт» обязано принять все меры для наведения должного порядка в складском хозяйстве. Директор базы т. Ломакин предупрежден, что, если в дальнейшем будет допущена бесхозяйственность, он будет строго наказан».

Каково?

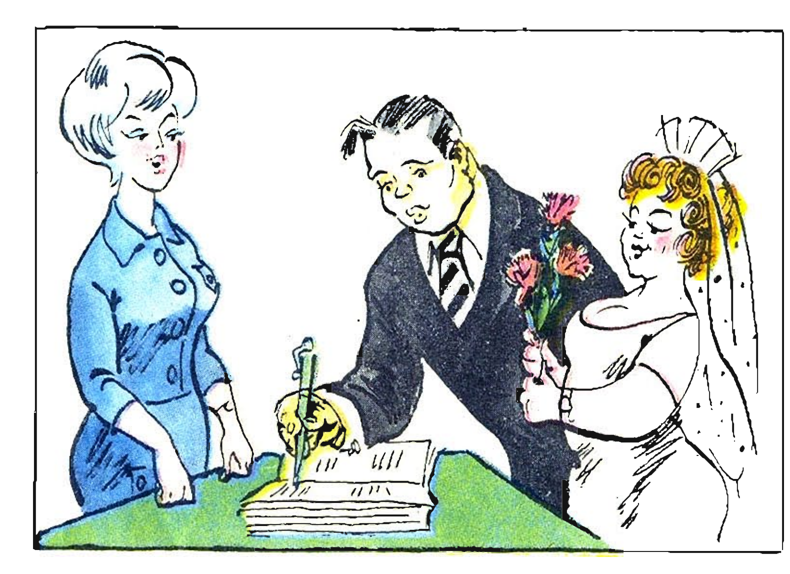
Одно только и есть утешительное в этой истории, что вот уже два месяца, как больше никаких приказов и распоряжений в адрес бывшего директора базы не поступает. Тьфу, тьфу, не сглазить!

Н. АНДРЕЕВ

— Телеграфируй: «Ваш сигнал поняли точка поздравляем уловом точка»...

Рисунок В. ШКАРБАНА

— А теперь принято поцеловаться...

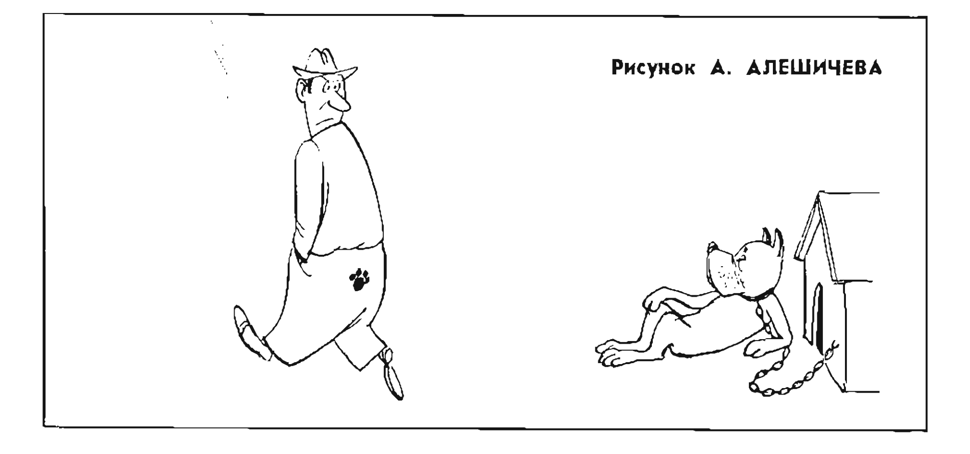

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

— Да вы посмотрите, как удобно ваш костюм сидит!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Мой-то перешел на другую работу: памятник старины охраняет.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Благовещенское пассажирское автотранспортное предприятие № 2 принимает заказы на обслуживание легковыми таксомоторами на текущий и предыдущий дни».

Газета «Амурская правда», г. Благовещенск

«Фабрика игрушек изготовляет домашнюю птицу из черного и серого поролона, чем искажает действительность».

(Из акта проверки)

Выписал Ю. Борин, г. Ленинград

«ЦВЕТ ГРАНАТА»

В фильме сделана попытка показать духовный мир средневекового армянского поэта, историю его любви, отношение поэта к религии и к Советской власти, к народу».

(Из еженедельника «Новые фильмы на экранах Сахалина»)

Переписала В. Карпова, г. Шахтерск

«Товарищи покупатели! Если вы желаете приобрести себе пальто зимнее, демисезонное женское, мужское, школьного или дошкольного возраста, то посетите павильон «Мясо» на колхозном рынке. Там райпо проводит расширенную продажу всех пальто».

(Объявление)

Доставил К. Максимов, Пермская область

«Прошу принять меня на работу в должности сантехника и 1/3 электрика».

(Из заявления)

Списал С. Рябов, г. Комсомольск-на-Амуре

«Товарищи жильцы! Берегите свое здоровье! Платите во время за квартиру! Домком».

Доставила Н. Петрова, г. Москва, ул. Матросская тишина, 19

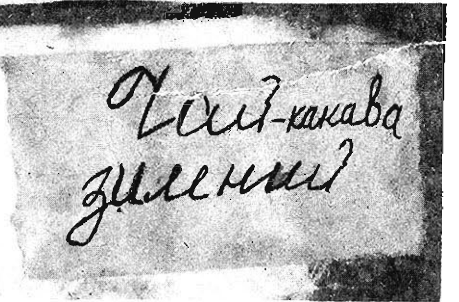
Т. Жильцы!
Сигнализация лифтов
не работает
Кто застрянет в лифте
обращайтесь в д. 41/3
парадная № 3.

Прислала М. Гарбузова, г. Ленинград, ул. партизана Германа

Оценка знаний слушателей обозначается:
„зч"—зачтено, „уу"—усвоил удовлетворительно,
„ух"—усвоил хорошо, „ну"—не усвоил.

(Из журнала учета успеваемости)

Прислал Г. Кобец, г. Донецк

Чай-какава
зимний

(Объявление в столовой)

Прислал К. Владимиров, г. Гусиноозерск

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Скажите, доктор, у вас много врагов в нашем городе?
— Есть, конечно, но все же большинство — уже на том свете.

●

— Доченька, сегодня приходил Жак просить твоей руки. Я согласился.
— Ах, папа, как же я расстанусь с мамой?
— Успокойся, милая, можешь взять ее с собой.

Георгий ДРУМЕВ (Болгария)

ОДНА ФРАЗА

Передавая друг другу эту бумагу, члены комиссии по охране авторских прав наконец положили ее перед своим председателем. Тот прочитал:
— «Гигиена — это здоровье».
Председатель посидел с минуту без движения, потом неизвестно зачем перевернул бумагу. Обратная сторона была чистой. Тогда он сказал:
— Гм! И это все?
Проситель облизнул засохшие губы и утвердительно кивнул головой. Это был хилый человек с горящими глазами фанатика. Такие обычно носятся с сумасбродными проектами растопления арктических льдов или с чертежами аппарата для чтения мыслей на расстоянии.
Борьба обещала быть долгой и мучительной.
— Но это же какая-то ерунда! — слабо произнес председатель.
— А вот и не ерунда,— возразил проситель.— И вы это сами прекрасно понимаете. Разве гигиена вредит здоровью?
Председатель вспыхнул от ярости.
— Ну, хорошо, допустим, что это не глупость. Но почему мы должны выдать вам авторские права на общеизвестную мысль?
— Общеизвестная, но моя! Все утверждают, что гигиена — это здоровье, в любой поликлинике на стенах висят такие плакаты, но никто не знает, что автор этого изречения я. У меня такой талант — изрекать мысли, которые потом становятся крылатыми. Понимаете, я мыслитель.
— Мыслитель! — вскипел председатель.— Для того, чтобы быть мыслителем, нужен ум, мозги! Нужно иметь научные труды, книги, собрание сочинений! Слава ему, видите ли, покоя не дает! Люди страдали, горели на кострах, гнили в средневековых тюрьмах и оставляли потомкам великие мысли, а этот...
От долгой и гневной тирады председатель весь побагровел. Он бессильно опустился в кресло и прикрыл глаза.
— Извините, могу ли я задать вопрос? — прошептал проситель.
— Спрашивайте!
— Будьте добры, ответьте мне, кто такой Декарт?
Председатель мучительно вспоминал: к чему имеет отношение Декарт? Равнобедренный треугольник? Нет. Закон расширения газов? Нет! Битва при Ватерлоо? Господи, при чем тут Ватерлоо?!
Он посмотрел на членов комиссии, но те словно языки проглотили от страха.
— Когито эрго сум,— подсказал проситель,— мыслю, значит, я...
— Значит, я существую! — вспомнил председатель.
— Вот что осталось от Декарта, товарищ председатель! Когито эрго сум! А что осталось от Цицерона? «О времена, о нравы!» — одна фраза. Кому нужны их тома, заполняющие книжные полки, если от каждого осталась какая-то одна, случайно оброненная фраза? Поэтому я не намерен затруднять будущие поколения изучением моих многотомных трудов. Я хочу только одного: если кто-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь напишет «Гигиена — это здоровье», чтобы внизу было подписано: «Иван И. Иванов». Вот и все.

— Ну как? — спрашивает муж жену, которая только что взвесилась на медицинских весах.— Больше нормы?
— Нисколько! Просто, если верить таблице, я должна быть выше на 20 сантиметров.

●

— Я хотел бы застраховать свою жизнь.
— У вас есть автомобиль?
— Нет.
— А мотоцикл?
— Нет.
— Вы ездите на велосипеде?
— Нет.
— Тогда извините. Пешеходов мы не страхуем. Это слишком рискованно.

●

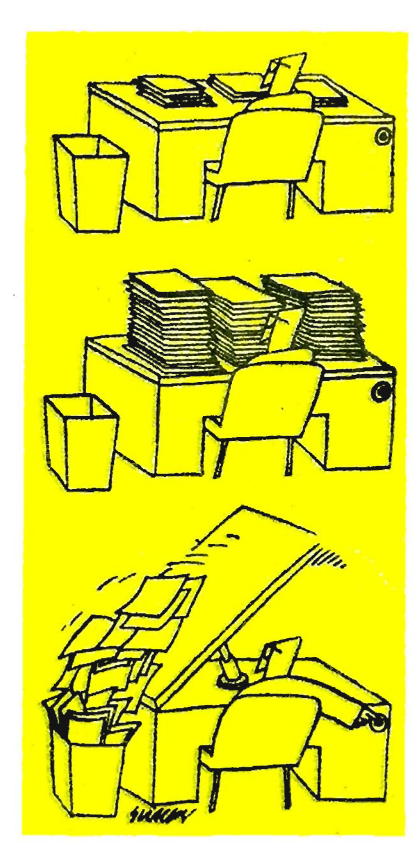
Дама желает купить французского пуделя и спрашивает продавца:
— Действительно ли эта собака благородного происхождения?
— Разумеется, мадам! Если бы она могла говорить, она не стала бы разговаривать ни с вами, ни со мной!

●

— Мы с Джоном никогда не ругаемся из-за денег. Та мелочь, которую он зарабатывает, не заслуживает, чтобы из-за нее ссориться.

●

— Рядовой Свенссон, зачем вы идете в столовую с винтовкой?
— Господин капитан, я не хочу еще раз остаться без кофе.

Автоматизация.

«Рогач», Чехословакия.

Влодзимеж БОРУНСКИЙ (Польша)

КАК ТУТ ВЫИГРАТЬ!

Кот дорогу мне перебежал,
Без просвета был черного
цвета он.
Я с дороги его не прогнал,—
В тот момент было мне
не до этого.

Баба с ведрами шла на меня!
Как я мог хоть на миг
задержаться там?
Я — в трамвай, все на свете
кляня...
А трамвай оказался
тринадцатым.

Я — домой! А в квартире ни зги!
Свет погас, как в аду
все померкло.
Шаг я делаю с левой ноги,
Оступаюсь... и вдребезги
зеркало!

То не это, и это не то,
Не везет, так уж всюду,
как водится:
Проверяю билет
«Спортлото» —
Ни единая цифра не сходится.

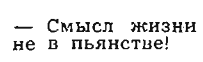
Кто же выиграть мне
помешал?
Где споткнулся неосторожно я?
Кот дорогу мне перебежал!
Бабу с ведрами встретил
порожними!

В дом ввалился я
с левой ноги!
Влез в трамвай номер
чертова дюжина!
Грохнул зеркало на куски!..
В общем, день был предельно
загруженный.

При подобном стеченьи
примет
В «Спортлото» шансов
выиграть нет!

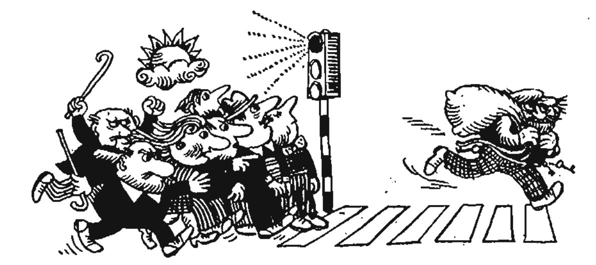
Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ

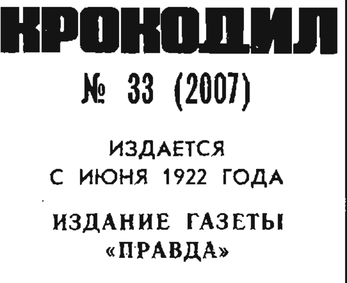

— Смысл жизни не в пьянстве!

Рисунки Г. Чаушева, Болгария.

Сознательные граждане.

№ 33 (2007)

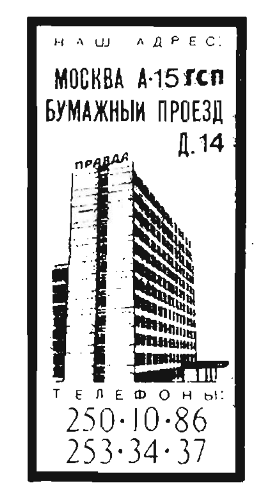
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, А. Баженов, М. Вайсборд, В. Жаринов, С. Кузьмин, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тамаев, В. Тильман, А. Чикарьков, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/XI 1971 г. А 00995. Подписано к печати 19/XI 1971 г. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{8}$. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 625 000). Изд. № 2222. Заказ № 2121.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Североирландский городок Голливуд стал ареной кровавой расправы британских карателей над гражданским населением.

— Это голливудский фильм ужасов?
— Да, только Голливуд ирландский, а фильм документальный.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА